

Жорж Сименон

МЕГРЭ И "ДЕЛО НАУРА"

<http://book.zehinli.info>

I

Мегрэ снилось, что он отбивается от невидимого злодея, трясущего его за плечо. Рука не подчинялась комиссару и казалась вялой, словно одеревеневшей.

- Кто это? - крикнул он, смутно сознавая всю бессмысленность вопроса.

Да и произнес ли он вообще что-нибудь?

- Жюль!.. Телефон...

Сквозь сон он слышал какой-то звук, казавшийся ему угрожающим, и лишь спустя несколько мгновений осознал, что это телефонный звонок, а он лежит в постели, и жена тормошит его за плечо. Комиссар протянул руку к телефону, стараясь стряхнуть с себя сон. Мадам Мегрэ сидела на постели рядом с ним, лампа у изголовья светила неясным светом.

- Алло!

Он чуть было не повторил снова, словно во сне: "Кто это?".

- Мегрэ?.. Говорит Пардон...

Комиссар бросил взгляд на будильник, стоявший на ночном столике жены.

Половина второго. С традиционного ужина у Пардонов они вернулись в начале двенадцатого. В этот раз гвоздем вечера была фаршированная баранья лопатка.

- Да... Я слушаю...

- Извините, что я разбудил вас. Но только что в моем доме произошлонеприятное происшествие, и мне кажется, оно входит в вашу компетенцию...

Больше десяти лет Мегрэ и Пардоны дружили семьями, но тем не менее обоим мужчинам никогда не приходила в голову мысль обращаться друг к другу на "ты".

- Я вас слушаю, Пардон... Продолжайте... Голос на другом конце провода был встревоженным и одновременно смущенным.

- Думаю, вам стоило бы приехать... Вы бы лучше поняли ситуацию...

- Надеюсь, несчастья не случилось? Пардон запнулся.

- Нет... Не совсем так, но...

- С женой все в порядке?

- Да... Она готовит для нас с вами кофе-Мадам Мегрэ пыталась по репликам мужа понять, что произошло, и вопросительно смотрела на него...

- Я сейчас буду...

Мегрэ повесил трубку. Теперь он окончательно проснулся, и на его лице появилась тревога. Впервые доктор Пардон звонил ему в такое время, и комиссар, который хорошо знал врача, понял, что случилось что-то серьезное.

- В чем дело? - произнесла мадам Мегрэ.

- Не знаю... Я нужен Пардону... Кажется, у него есть основания, чтобы я приехал...

- Весь вечер он был очень весел... И его жена тоже... Мы говорили об их дочери и зяте, о поездке на Балеарские острова, которую они планируют на будущее лето... ' Слушал ли ее Мегрэ? Встревоженный, он одевался, пытаясь догадаться, чем был вызван ночной звонок доктора Пардона.

- Я приготовлю тебе кофе...

- Не стоит... Мадам Пардон как раз этим занимается...

- Вызвать такси?

- Не надо. Погода отвратительная, машина приедет не раньше, чем через полчаса...

Наступило 14 января, пятница. Весь день в Париже температура была ниже двенадцати градусов. Снег, наваливший за последние дни, настолько смерзся, что его невозможно было убирать, и, несмотря на рассыпанную по тротуарам соль, повсюду оставались островки льда, на которых поскальзывались прохожие.

- Не забудь свой теплый шарф...

Этот шарф из плотной шерсти связала мадам Мегрэ, и он еще ни разу не надевал его.

- Может быть, мне пойти с тобой?

- Зачем?

Ей не нравилось, что он уходит один в такую ночь. Возвращаясь домой от Пардонов, они шли осторожно, глядя под ноги, и все же Мегрэ поскользнулся и упал на углу улицы Шемен-Вер. Некоторое время он сидел на земле, ошеломленный и какой-то пристыженный.

- Ты не ушибся?

- Нет... Я просто не ожидал, что упаду... Он отказался от ее помощи, сам поднялся и не захотел, чтобы она взяла его под руку.

- Не стоит, а то мы упадем оба...

Теперь она проводила его до двери, поцеловала, прошептала:

- Будь осторожен...

Она не закрывала дверь до тех пор, пока Мегрэ не спустился на первый этаж. Он не пошел по улице Шемен-Вер, а предпочел сделать небольшой крюк, направляясь от бульвара Ришар-Ленуар к бульвару Вольтера, где жили супруги Пардон.

Он двигался медленно. Были слышны только его шаги. На улицах ни такси, ни машин. Париж казался вымершим, и Мегрэ вспоминал, что он видел его таким, парализованным от холода, всего два или три раза в своей жизни.

Однако по бульвару Вольтера, со стороны площади Республики, медленно катил грузовик, рабочие разбрасывали с него лопатами соль по тротуару.

Свет горел лишь в квартире Пардонов, все окна соседних домов были темны. Мегрэ показалось, что он видит за шторами чей-то силуэт, и когда он добрался до двери, та открылась прежде, чем комиссар успел позвонить.

- Еще раз извините меня, Мегрэ...

На докторе Пардоне был тот же самый темно-синий костюм, в котором он был за ужином.

- Я попал в затруднительное положение и не знаю, что мне теперь делать...

В лифте комиссар заметил, что лицо врача осунулось.

- Вы не ложились? Пардон, смущаясь, объяснил:

- Когда вы ушли, я еще не хотел спать и принялся заполнять регистрационные карточки...

Иными словами, несмотря на занятость по работе, он не хотел переносить традиционный ужин на другой день.

На этот раз супруги Мегрэ засиделись у них дольше обычного. Разговор в основном шел об отпуске, и Пардон заметил, что его пациенты после отдыха выглядят более уставшими.

Они прошли через комнату для посетителей, где горела лишь небольшая лампа, и вместо того, чтобы направиться в гостиную, свернули в кабинет Пардона.

Мадам Пардон появилась сразу же, принесла на подносе две чашки, кофейник и сахарницу.

- Прошу извинить, что не одета... Но я уже ухожу, мужу нужно поговорить с вами. На ней был светло-голубой халат, накинутый на ночную рубашку, и тапочки без задников на босу ногу.

- Муж не хотел вас беспокоить... Это я настояла, и если я не права, прошу меня простить.

Она налила им кофе и направилась к двери.

- Я не смогу заснуть, пока вы не закончите, так что не стесняйтесь, если что-нибудь понадобится... Вы не хотите есть, Мегрэ?

- Я слишком хорошо поужинал, чтобы успеть проголодаться...

- Ты тоже не хочешь?

- Спасибо.

Дверь комнаты, где Пардон осматривал своих пациентов, была открыта.

Посередине ее стояла высокая кушетка, покрытая белой простыней, испачканной кровью. Большие пятна крови Мегрэ заметил и на зеленом линолеуме.

- Присаживайтесь... Выпейте сначала кофе - Пардон указал на грудку бумаг и карточек на своем столе.

- Видите ли... Людям не приходит в голову, что помимо консультаций и визитов мы должны выполнять еще эту бюрократическую работу... Часто приходится выезжать по срочным вызовам, постоянно откладываясь писанину на потом, и в один прекрасный день оказывается, что просто тонешь в бумагах... Я рассчитывал уделить этому занятию два или три часа...

А ведь Пардон начинал визиты в восемь, а с десяти приступал к приему больных в своем кабинете. Квартал Пикпюс не принадлежал к разряду богатых. Здесь жили малообеспеченные люди, и нередко в приемной собиралось до пятнадцати человек одновременно. можно перечислить по пальцам те традиционные ужины, во время которых Пардона не вызывали бы по телефону и он не отлучался бы на час, а то и больше.

- Я погрузился в эти бумаги... Моя жена спала... Было очень тихо, и я даже вздрогнул, когда раздался звонок в квартиру... Открыв дверь, я увидел мужчину и женщину, которые произвели на меня странное впечатление...

- Почему?

- Прежде всего потому, что я их не знал, а ведь среди ночи меня обычно беспокоят лишь мои постоянные клиенты, и только те, у которых нет телефона...

- Понимаю...

- Еще мне показалось, что они живут не в этом квартале. На женщине была шуба из морской выдры и такая же шапка. Случилось так, что моя жена, листая два дня назад журнал мод, вдруг сказала: "Когда ты надумаешь подарить мне шубу, выбирай не норковую, а из морской выдры.

Норку носят все, а вот выдра..."

Остальное я тогда не дослушал, но вспомнил об этих словах, когда, открыв дверь, с удивлением обнаружил их. Мужчина тоже был одет не так, как одеваются на бульваре Вольтера.

Он спросил с легким акцентом:

"Доктор Пардон?"

"Да, это я."

"Эту даму только что ранили, и я хотел бы, чтобы вы ее осмотрели".

"Как вы узнали мой адрес?"

"Нам дала его какая-то пожилая женщина, проходившая по бульвару Вольтера... Полагаю, одна из ваших клиенток..."

Женщина, очень бледная, казалось, вот-вот потеряет сознание. Она бессмысленно смотрела на меня, прижав руки к груди.

"Я думаю, вам нужно поторопиться, доктор", - сказал мужчина, снимая перчатки. "Что за ранение?" Я повернулся к женщине, яркой блондинке, на вид ей не было тридцати.

"Снимите шубу..."

Она молча сбросила шубку, и я увидел, что ее соломенного цвета платье до пояса пропитано кровью.

Вот, взгляните на это пятно крови возле моего стола на том месте, где она стояла.

Я провел ее в кабинет и попросил снять платье, предложив свою помощь.

Она покачала головой и разделась самостоятельно.

Мужчина не пошел с нами, но дверь между двумя комнатами оставалась открытой, и он продолжал говорить со мной, или, вернее, отвечать мне. Я надел халат. Вымыл руки. Женщина неподвижно лежала на животе, не издавая ни единого звука.

- Который был час? - спросил Мегрэ, закуривший свою первую трубку с тех пор, как Пардон позвонил ему.

- Я посмотрел на часы, когда раздался звонок. Было десять минут второго. Все это произошло очень быстро, гораздо быстрее, чем я рассказываю.

Я промыл рану, остановил кровотечение и только тогда задумался о том, что же происходит. На первый взгляд, рана казалась не слишком тяжелой, хотя кровь еще сочилась.

Продолжая заниматься раной, я попросил мужчину рассказать, что произошло.

"Я шел по бульвару Вольтера, в ста метрах отсюда, эта женщина шла впереди..."

"Не будете же вы утверждать, что она поскользнулась?"

"Я удивился, увидев ее на улице одну в такой час, и замедлил шаг с тем, чтобы она не подумала, что я иду за ней... И тогда я услышал, как приближается какая-то машина..."

Пардон прервал рассказ, чтобы допить кофе и налить себе вторую чашку.

- Вам тоже?

- С удовольствием...

Мегрэ одолевала сонливость, у него пощипывало переносицу, и он чувствовал, как начинается насморк. Десять его сотрудников свалил грипп, это осложнило работу в последние дни.

- Я стараюсь как можно более точно передать вам наш разговор, но не могу поручиться за каждое слово... Я обнаружил, что между третьим и четвертым ребром рана более глубокая, при ее обработке что-то упало на пол, причем я не сразу обратил на это внимание.

- Пуля?

- Подождите... Мужчина в соседней комнате продолжал свой рассказ:

"Поравнявшись с дамой, машина притормозила, хотя и до этого ехала не быстро. Я увидел, как из открытого окошка высунулась рука..."

Мегрэ прервал врача:

- Из передней или из задней дверцы?

- Он мне этого не сказал, и у меня даже в мыслях не было спросить его... Не забывайте, что я фактически делал операцию... Мне приходилось заниматься этим в экстренных случаях, но я не хирург по специальности, и вся эта история мне казалась странной... Что меня удивляло больше всего, так это полное молчание пациентки...

Мужчина же продолжал:

"Я услышал звук выстрела и увидел, как женщина пошатнулась, попыталась уцепиться за стену дома, затем у нее подкосились колени, и она медленно осела в снег..."

Машина набрала скорость и исчезла... Я бросился к женщине и увидел, что она жива. Ей удалось самостоятельно, хотя и держась за меня, подняться на ноги... Я спросил ее, не ранена ли она, и она молча кивнула."

"Она и с вами не разговаривала?"

"Нет... Я не знал, что делать... Я оглядывался вокруг, надеясь найти кого-нибудь в помощь... Проходила пожилая женщина, я спросил у нее, где можно найти врача... Она указала на ваш дом и назвала фамилию..."

Пардон замолчал и глядел на Мегрэ с видом провинившегося ребенка.

Тогда комиссар спросил:

- Этому человеку не пришло в голову отвезти ее в больницу?

- Вот и я сказал ему, что мы находимся в двух шагах от больницы Сент-Антуан. А он лишь прошептал: "Я этого не знал."

- Он, видно, не знал и того, что главный комиссариат квартала находится в ста метрах отсюда?

- Наверное... Я был в затруднительном положении... Знаю, что я не имел права оказывать помощь, не предупредив тотчас же полицию, ведь речь шла об огнестрельном ранении. Но с другой стороны, я ведь уже начал операцию... Я сказал себе: "Окажу ей первую помощь и, как только закончу, сразу же вызову санитарную машину..."

"Вместо окровавленной одежды я могу дать вам купальный халат," - предложил я.

Она вновь покачала головой и через несколько секунд уже самостоятельно надела комбинацию, платье, а затем вышла в мой кабинет к мужчине, который ее привел.

Я сказал им обоим:

"Присаживайтесь... Через минуту я освобожусь..."

Мне нужно было снять резиновые перчатки, испачканный халат и закрыть пробками пузырьки с лекарствами.

"Я должен записать ваши имена и адреса... Если вы предпочитаете лечиться не в больнице, а в какой-нибудь частной клинике, скажите мне, и я сделаю все необходимое..."

Мэгре уже понял, что произошло дальше:

- Как долго вы занимались своими делами?

- Трудно сказать... Помню, я поднял пулю, упавшую на пол во время операции, затем бросил в корзину использованную вату и бинты...

Наверное, две или три минуты... По-прежнему продолжая беседовать с ними, я подошел к двери и увидел, что в моем кабинете никого нет...

Сначала я бросился в прихожую, потом выбежал на лестничную площадку... Не услышав ни шума спускающегося лифта, ни шагов по лестнице, я вернулся в кабинет и посмотрел в окно, но не мог разглядеть тротуара у дома...

Именно в этот момент я услышал, как тронулась с места какая-то машина... Судя по звуку, это был мощный спортивный автомобиль.. Когда я открыл окно, то увидел, что бульвар Вольтера пуст, и только со стороны площади Республики движется грузовик, разбрасывающий соль, да вдалеке шел одинокий прохожий...

Если не считать самых близких своих сотрудников - таких, как Люка, Жанвье, Торранс, и недавно принятого Лапуэнта, к которым Мегрэ испытывал чувство искренней привязанности, - комиссар дружил лишь с доктором Пардоном.

Оба они, будучи в сущности ровесниками, ежедневно занимались тем, что лечили болезни - людей и общества, и поэтому их взгляды на жизнь во многом совпадали.

Они могли после своих традиционных ужинов, устраиваемых то на бульваре Ришар-Ленуар, то на бульваре Вольтера, часами беседовать, совсем не замечая времени, и приходили к одним и тем же выводам - так был схож их жизненный опыт. Не уважение ли, которое каждый испытывал по отношению к другому, мешало им перейти на "ты"?

В эту ночь, несмотря на царившие в кабинете врача тишину и покой, они не чувствовали себя так непринужденно, как за улейном. Возможно, это объяснялось тем, что случай впервые столкнул старых друзей на почве их профессиональных интересов.

Доктор, выглядевший смущенным, говорил быстрее обычного, и чувствовалось, что он желает поскорее доказать свои благие намерения, как если бы его допрашивали на совете коллегии адвокатов. Мегрэ, со своей стороны, не решался задавать слишком много вопросов, выбирая после некоторого колебания лишь те, которые казались ему неизбежными.

- Скажите, Пардон, в самом начале вы говорили, что мужчина и женщина, как вам показалось, не проживают в этом квартале.

Доктор пробовал объяснить:

- Моя клиентура - это лавочники, ремесленники и небогатые люди. Я не какое-нибудь светило, а всего лишь тот, кому приходится по двадцать раз на дню преодолевать пять или шесть этажей в домах без лифта, таская с собой сумку с инструментами. На этом бульваре есть дома, где живут зажиточные люди, но я никогда не видел здесь кого-нибудь, кто был бы похож на моих недавних посетителей...

Хотя женщина и не произнесла ни одного слова, у меня сложилось впечатление, что она иностранка... У нее черты типичной северянки: молочной белизны лицо, белокурые волосы, которые редко можно увидеть в Париже, да и то разве что крашенные, но это не тот случай... Судя по ее груди, я могу полагать, что она родила по меньшей мере одного ребенка и кормила его своим молоком...

- Не было ли у нее какой-нибудь особой приметы?

- Нет... Хотя, подождите... Шрам, длиной около двух сантиметров, идущий от левого глаза в направлении уха... Я его заметил потому, что он имел форму гусиной лапки, а на молодом лице это выглядит довольно пикантно...

- Вы думаете, она молчала умышленно?

- Уверен, что это было так... Я видел их на лестничной площадке и в своем кабинете и думаю, что они знали друг друга, притом очень близко.

Возможно, я скажу глупость... Мне кажется, что существует нечто неуловимое, объединяющее истинно влюбленных, и что эта связь чувствуется даже тогда, когда они не смотрят друг на друга...

- Расскажите мне, как выглядел он.

- Его я видел совсем недолго, он не снимал пальто из мягкой ворсистой ткани...

- На нем была шляпа?

- Нет. Он был с непокрытой головой. У него черные волосы, лицо с тонкими чертами, загорелая кожа, карие глаза... Я дал бы ему двадцать пять-двадцать шесть лет, и, судя по манере говорить, по его поведению, одежде, я сказал бы, что он всегда вращался среди привилегированных людей... Красивый парень, с виду нежный, немного меланхоличный...

Вероятно, он испанец или из Южной Америки... Что мне теперь делать?... Не зная их имен, я не могу заполнить на них медицинскую карточку... Да и, очевидно, речь идет о преступлении...

- Вы поверили тому, что рассказал вам мужчина?

- В тот момент я просто не задумывался над тем, что он говорил... И только потом, когда обнаружил, что они исчезли, объяснения мужчины показались мне странными...

Мегрэ внимательно рассматривал пулю.

- Стреляли, вероятно, из пистолета калибра 6,35... Это оружие опасно лишь при выстреле с близкого расстояния и не отличается большой точностью...

- Это и объясняет характер ранения... До того, как пуля засела между двумя ребрами, она наискось прошла спину, сорвала кожу, оставив след в несколько сантиметров...

- Далеко ли могла уйти женщина в таком состоянии?

- Не могу сказать определенно, не исключено, что, прежде чем добраться сюда, она приняла какое-нибудь болеутоляющее средство. Женщина совсем не реагировала на боль, а ведь именно наружные раны обычно бывают самыми болезненными...

- Послушайте, Пардон, - пробормотал Мегрэ, вставая со стула. - Я постараюсь заняться этой парой. Завтра утром пришлите мне свои письменные объяснения о случившемся и повторите в них все, что вы только что рассказали...

- У меня будут неприятности?

- Вы обязаны оказывать помощь каждому, если его жизнь в опасности.

Разве не так?

Мегрэ снова закурил трубку, потом надел перчатки, шляпу.

- Я буду держать вас в курсе.

На улице по-прежнему царил ледяной холод, и, пристально глядя на снег у стен домов, Мегрэ прошел метров сто, но не обнаружил ни пятен крови, ни каких-либо следов падения. Затем, вернувшись назад, он пересек площадь Леона Блюма и вошел в полицейский участок, разместившийся на первом этаже мэрии.

Бригадира Демари, дежурившего в эту ночь, он знал давно.

- Привет, Демари...

Удивленный появлением шефа из уголовной полиции, тот поднялся со смущенным видом, отложив книжку комиксов.

- Привет, Лувель...

Сержант Лувель варил кофе на спиртовке.

- Скажите-ка мне, вы слышали что-нибудь приблизительно час назад?

- Нет, господин дивизионный...

- Что-то вроде выстрелов, в сотне метров отсюда...

- Ничего...

- Между часом и часом десятью...

- С какой стороны?

- Со стороны бульвара Вольтера, в направлении площади Республики.

- Незадолго перед тем отсюда направился патруль, сержанты Матис и Бернье. Они шли по бульвару Вольтера и, должно быть, спустились по нему до улицы Амело...

- Где находится патруль в настоящий момент? Бригадир бросил взгляд на электрические часы.

- Где-то в районе площади Бастилии, если уже не на улице Рокет. Они вернутся в три... Вы хотите, чтобы мы попытались связаться с ними?

- Нет, не нужно... Вызовите для меня такси... Когда вернется патруль, позвоните мне на набережную Орфевр.

Пришлось звонить два или три раза, прежде чем нашлась свободная машина. Затем Мегрэ набрал номер своего домашнего телефона.

- Не волнуйся, если я вернусь только под утро... Сейчас я в комиссариате квартала... Мне вызвали такси... Да нет же!.. Они ни при чем во всей этой истории... Но я должен заняться расследованием уже сейчас... Нет, я не падал... Пока...

Такси обогнало грузовик с солью, двигавшийся со скоростью пешехода, и лишь три легковые машины встретились по пути на набережную Орфевр, где стоявший перед воротами часовой казался застывшим от холода.

Поднявшись наверх, Мегрэ разыскал Люка, в эту ночь дежурившего вместе с инспекторами Жюсье и Лурти. Больше во всем здании никого не было.

- Добрый вечер, ребята... Для начала обзвоните все больницы и все частные клиники Парижа... Я хотел бы знать, не обращались ли туда этой ночью после половины второго мужчина и женщина... Возможно, что обратилась за помощью лишь женщина, раненая в спину... Вот как они выглядели...

Он старался повторить все, что ему рассказал Пардон.

- Начните с кварталов в восточной части города...

Трое полицейских устремились к телефонам, а Мегрэ вошел в свой кабинет, включил свет, снял пальто и толстый вязаный шарф. Он не верил в историю с выстрелом, раздавшимся из проезжавшей вдоль тротуара легковой машины. К этому приему прибегают лишь профессиональные преступники, а Мегрэ никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них был вооружен пистолетом калибра 6,35. Кроме того, стреляли один раз, что довольно редко бывало при нападениях из автомобиля.

Как и Пардон, он был убежден, что мужчина и женщина знали друг друга.

Доказательством служило их внезапное исчезновение, когда они, словно сообщники, воспользовались тем, что врач на пару минут задержался в своем кабинете.

Мегрэ вернулся к трем полицейским, которые заканчивали звонить по телефонам.

- Ничего не обнаружили?

- Ничего, шеф...

Он сам позвонил на дежурный полицейский пост.

- Вам не звонили около часа ночи? Не было сообщений о выстреле?

- Минутку... Я спрошу у коллег... Через какое-то время последовал ответ:

- Есть сообщение о драке и ножевом ранении в ресторане на бульваре Порт д'Итали... Вызовы скорой помощи в связи с переломами рук и ног при падении... Теперь, когда все разошлись по домам, вызовов становится меньше, но все равно звонят каждые десять минут...

Едва он положил трубку, как его позвал Люка:

- Вам звонят, шеф...

Это был Демари из комиссариата одиннадцатого квартала.

- Патруль только что возвратился... Матис и Бернье не видели ничего необычного и сообщают лишь о нескольких случаях падения из-за гололедицы... Да, Матис также заметил "альфу-ромео" красного цвета, стоявшую напротив дома 76-б по бульвару Вольтера, он даже сказал своему приятелю: "Вот бы нам эту машину на время дежурства..."

- Который был час?

- Между пятью и десятью минутами второго. Матис машинально провел рукой по капоту и почувствовал, что он еще теплый.

Это означало, что те двое только что вошли в здание, где в час десять позвонили врачу.

Как им удалось узнать адрес Пардона? Матис на вопрос Мегрэ ответил, что никакой пожилой женщины не заметил, хотя и прошел по всему бульвару.

- Откуда появилась эта пара? Почему они остановились именно на бульваре Вольтера, как раз напротив полицейского комиссариата?

Оповещать полицейские радиомшины было уже поздно, красный автомобиль имел достаточно времени, чтобы оказаться где угодно.

Мегрэ что-то невнятно бормотал, хмуря брови и выпуская дым из трубки, а Люка пытался понять, что он бурчит себе под нос...

- Иностранцы... испанского типа... женщина ничего не говорила... потому что не знала французского языка?.. Выглядит, как северянка... но почему бульвар Вольтера и почему Пардон?..

Это больше всего сбивало его с толку. Если они жили в Париже, то почти наверняка в богатых кварталах, да и врача можно найти чуть ли не на каждой улице... Если в женщину стреляли в каком-нибудь доме, то почему не вызвать врача, вместо того чтобы тащить раненую по улицам да еще по морозу?

А если они в Париже проездом и остановились в каком-нибудь отеле?..

Это маловероятно... Там звук выстрела редко остается незамеченным...

- Что ты на меня так смотришь? - внезапно спросил он Люка. Казалось, присутствие инспектора он обнаружил только сейчас.

- Жду ваших указаний.

- Ты думаешь, я знаю, что надо делать? Он усмехнулся собственной беспомощности.

- Все эти рассказы не выдерживают никакой критики, и хотел бы я знать, за какой конец хватиться, чтобы все распутать. Не говоря уже о том, что меня разбудил телефонный звонок в самый разгар какого-то кошмарного сна.

- Хотите кофе?

- Меня только что им угощали... Какой-то тип, испанец с виду, и женщина с наружностью северянки звонят во втором часу в дверь моего друга Пардона...

С хмурым видом рассказывая о происшедшем, он раскрывал слабые стороны этой истории.

- Выстрел был сделан не в гостинице. И не на улице. Тогда выходит, что стреляли в квартире или в частном доме...

- Вы полагаете, что они муж и жена?

- У меня сложилось впечатление, я даже не могу сказать почему, что они не женаты. Если бы они вызвали своего врача, при условии, что он у них есть, тот был бы обязан сообщить в полицию...

То, что выбор пал на Пардона, рядового квартального врача, удивляло Мегрэ больше всего. Может быть, они случайно нашли его имя в справочнике?

- Женщины нет ни в больницах, ни в клиниках... Пардон предложил ей купальный халат своей жены, ведь ее платье было насквозь пропитано кровью... Но она предпочла вновь надеть его... Почему?..

Люка только хотел что-то сказать, как комиссар уже сам ответил на собственный вопрос.

- Потому что они намеревались сбежать... Рассуждение, согласен, не самое блестящее, но оно верно...

- По большей части дорог проехать практически невозможно... Тем более с раненой в машине...

- Я думал об этом... Вызови мне по телефону Бреукера из Орли... Если его нет, соедини с его придурковатым заместителем, я все время забываю его фамилию...

Бреукер, уроженец Эльзаса, сохранивший свой акцент, занимал в аэропорту пост специального комиссара. Он не дежурил, и в телефонной трубке прозвучало:

- Заместитель комиссара Маратье...

- С вами говорит Мегрэ, - проворчал комиссар, которого раздражал надменный голос собеседника.

- Чем могу быть полезен, господин дивизионный?

- Я еще пока сам не знаю... Сколько вылетов за границу у вас было за последние два с половиной часа?

- Только два... Один в Амстердам, другой в Индию через Ковентри...

Сорок минут назад вылеты прекратились из-за обледенения взлетно-посадочной полосы...

- Далеко ли от вас находится стоянка автомашин?

- Не очень, но из-за гололеда пройти пешком нелегко.

- Тем не менее, будьте любезны, сходите туда и посмотрите, есть ли там красная "альфа-ромео"...

- Вы не можете назвать ее номер?

- Нет. На вашей стоянке в такое время не должно быть много машин марки "альфа-ромео" красного цвета... Если она находится там, то спросите у инспекторов, проверяющих паспорта, проходила ли через контроль пара, приметы которой таковы...

И он повторил то, что уже рассказывал Люка и двум другим сотрудникам.

- Позвоните мне сразу после этого на набережную Орфевр.

Положив трубку, Мегрэ пожал плечами и добавил, повернувшись к Люка:

- Как знать, может быть, им удастся что-то найти...

Это было довольно странное расследование, и комиссар как будто не принимал его полностью всерьез, он занимался им, словно решал кроссворд.

- Маратье, должно быть, вне себя, - заметил Люка. - Его, всегда одетого с иголки и напускающего на себя вид большого начальника, отправили шлепать по снегу...

Прошло минут двадцать, и телефон зазвонил. Мегрэ, повернувшись в сторону, проговорил:

- Говорит заместитель комиссара Маратье... И, действительно, это было первое, что он услышал в трубке.

- Ну, как с красной машиной?

- На стоянке есть какая-то красная "альфа-ромео", и, судя по номерам, она из парижского района...

- Закрыта на ключ?

- Да... Пара, отвечающая приметам, которые вы мне продиктовали, села в три часа десять минут на самолет, вылетевший в Амстердам...

- У вас есть их фамилии?

- Инспектор, который ими занимался, не помнит имен. Ему запомнилось только, что у мужчины был колумбийский паспорт, а у женщины голландский... В обоих документах было много виз и печатей...

- В котором часу они должны прибыть в Амстердам?

- Если самолет не задержится в пути и посадочная полоса в хорошем состоянии, они приземлятся в четыре снадцать.

Было четыре двадцать две. Вероятно, пара уже проходила паспортный и таможенный контроль. Во всяком случае, сейчас, учитывая ситуацию, Мегрэ не мог позволить себе прямо обратиться в полицию голландского аэропорта.

- Ну что, шеф? Что мне делать? - спросил Люка.

- Ничего. Будешь ждать сменщика. Что касается меня, я пойду спать.

Спокойной ночи, ребята... Да, может быть, кто-то из вас отвезет меня домой?

Полчаса спустя он крепко спал рядом со своей женой.

II

Есть дела, которые сразу же становятся сенсацией, и о них громкими заголовками сообщают газеты. Другие же, с виду заурядные, удастаиваются лишь трех-четырёх строчек в отделе хроники, и только потом обнаруживается, что за этим, как казалось, простым событием, крылась настоящая драма, овеанная тайной.

Мегрэ завтракал, сидя возле окна напротив жены. Часы показывали половину девятого, но утро было таким тусклым, что пришлось зажечь свет.

Комиссар не выспался и чувствовал ломоту во всем теле, голова была тяжелой, в ней роились какие-то неясные мысли.

Края оконных стекол заиндевели, и, глядя на них, он вспомнил, как в детстве ему нравилось рисовать на морозном стекле, он как бы вновь испытал это странное ощущение, приятное и болезненное одновременно, когда тонкие пластинки льда попадали под ногти.

После трех холодных дней потеплело, шел снег, и с трудом можно было рассмотреть в окно стоящие на другой стороне бульвара дома и складские помещения.

- Ты не очень устал?

- Еще чашечку кофе, и я окончательно приду в себя.

Невольно он пытался представить эту пару эlegantных иностранцев, бог весть откуда появившихся в кабинете скромного квартального врача. Пардон сразу же почувствовал, что они принадлежали к другому миру, отличному от мира его и Мегрэ, от квартала Пикпюс, где они оба жили.

Много раз комиссару приходилось заниматься людьми подобного рода, которые[^] непринужденно чувствуют себя как в Лондоне, так в Нью-Йорке и Риме, садятся в самолет, как другие в вагон метро, останавливаются в роскошных гостиницах, и в какой бы стране это ни происходило, они сохраняют прежние привычки и встречают друзей, с которыми как бы создают некое своеобразное международное сообщество.

Принадлежность к нему определяется не только тугим кошельком. Такие люди ведут определенный образ жизни, имеют свою манеру поведения, даже мораль, отличающуюся от морали простых смертных.

Мегрэ никогда не чувствовал себя непринужденно в их присутствии, и ему трудно было справиться с раздражением, которое можно было принять за чувство зависти.

- О чем ты думаешь?

- Ни о чем.

Казалось, он действительно ни о чем не думал. В голове у него возникали неясные мысли, и он вздрогнул, услышав телефонный звонок. Было уже без десяти минут девять, и он собирался подняться из-за стола, чтобы надеть пальто.

- Алло!..

- Это Люка-Люка, который должен был уйти с дежурства в девять часов.

- Мне только что позвонил комиссар Маникль из четырнадцатого округа... Прошлой ночью в небольшом частном доме на авеню Парк-Монсури убит человек... Некий Наур, ливанец... Приходящая служанка обнаружила его в восемь часов...

- Лапуэнт пришел?

- Я, кажется, слышу его шаги в коридоре... Минутку... Да... Это действительно он...

- Скажи ему, чтобы заехал за мной... Сообщи Маниклю, что я постараюсь приехать как можно скорее... А ты иди спать...

- Спасибо, шеф...

Мегрэ повторил вполголоса:

- Наур... Наур...

Еще один иностранец. Этой ночью - голландка и колумбиец. Теперь Наур с Ближнего Востока.

- Что, новое дело? - спросила его жена.

- Преступление на авеню Парк-Монсури... Он обмотал толстым шарфом шею, надел пальто и взял в руки шляпу.

- Разве Лапуэнт не поднимется сюда?

- Мне нужно несколько минут подышать свежим воздухом...

Лапуэнт ждал его перед домом. Мегрэ уселся в маленькую черную машину.

- У тебя есть точный адрес?

- Да, шеф. Это последний дом перед парком, он окружен садом...

Кажется, вам не удалось выспаться этой ночью...

Машины двигались медленно, с трудом. Несколько автомобилей занесло, и они остановились поперек улицы, прохожие шли с большой осторожностью.

Сена, по которой медленно плыла шуга, отливала темно-зеленым цветом.

Они остановились у дома с громадными окнами на первом этаже. Здание было построено, видимо, в конце двадцатых годов, когда в некоторых районах Парижа, главным образом в Отей и на Монпарнасе, вырос целый ряд домов, похожих на этот.

Полицейский, расхаживавший взад и вперед, отдал честь комиссару и открыл перед ним железную дверцу, ведущую в небольшой сад.

Мегрэ и Лапуэнт, пройдя по аллее, поднялись по ступенькам на крыльцо и встретили второго полицейского, который провел их в гостиную.

Маникль находился там с одним из своих инспекторов. Это был небольшого роста сухощавый человек с усами, которого Мегрэ знал вот уже лет двадцать. Они пожали друг другу руки, и

комиссар полиции указал на тело, распростертое на полу позади письменного стола красного дерева.

- Служанка, некая Луиза Воден, вызвала нас по телефону в восемь часов пять минут. Ее рабочий день начинается в восемь утра. Она живет в двух шагах отсюда.

- Кто он, Наур?

- Феликс Наур, сорока двух лет, гражданин Ливана, профессии не имеет.

Вот уже шесть месяцев как поселился в этом доме, он снимает его со всей обстановкой у художника, который уехал в Соединенные Штаты...

В комнате было очень жарко, несмотря на огромные окна, наполовину покрытые изморозью, как и в квартире Мегрэ на бульваре Ришар-Ленуар.

- Когда вы приехали, шторы были открыты?

- Нет, задернуты... Эти плотные шторы с подкладкой из фетра не позволяют холоду проникать в комнату.

- Врач приехал?

- Квартальный врач только что заходил и подтвердил факт смерти, которая и без того очевидна... Я вызвал судебно-медицинского эксперта, жду его и представителя прокуратуры с минуты на минуту...

Мегрэ повернулся к Лапуэнту.

- Позвони-ка Моэрсу, пусть сейчас же приедет со своими людьми... Нет, не отсюда... Здесь на телефонных трубках могут быть отпечатки пальцев...

Поищи какое-нибудь кафе или автомат поблизости.

Он снял пальто, затем шарф, так как после почти бессонной ночи от стоявшей в комнате жары у него кружилась голова.

Комната была просторной. Пол покрывал светло-голубой ковер, а мебель, хотя и разного стиля, была дорогой и подобрана со вкусом.

Обходя кругом письменный стол в стиле ампир, чтобы лучше разглядеть убитого, комиссар заметил возле бювара фотографию в серебряной рамке.

Это был портрет молодой женщины с печальной улыбкой, державшей на коленях годовалого ребенка, рядом стояла девочка лет трех.

Нахмутив брови, он схватил портрет, чтобы разглядеть его поближе, и увидел на лице женщины шрам, идущий от левого глаза к уху.

- Это его жена?

- Полагаю, что да. Я попросил посмотреть наши реестры. Она записана под именем Эвелины Наур, до замужества Виимерс, родилась в Амстердаме.

- Она находится в доме?

- В ее комнату стучали и, не получив ответа, открыли дверь. В помещении некоторый беспорядок, но постель не смята...

Мегрэ наклонился над скрюченным телом, но увидел лишь половину лица убитого. Насколько он мог судить, ни к чему не прикасаясь руками, пуля проникла в горло, разорвав сонную артерию, отчего на ковре разлилась впечатляющая лужа крови.

Наур был небольшого роста, полноватый, начинающий лысеть человек с короткой черной бородкой. На холеной левой руке было обручальное кольцо, а правой он сжимал горло, словно пытаясь остановить кровотечение.

- Вам известно, кто жил в этом доме?

- Я задал служанке лишь несколько вопросов, предпочитая, чтобы вы сами допросили ее. Я попросил мадам Боден и секретаря остаться наверху, с ними один из моих людей.

- Где эта мадам Боден?

- Позвать ее?

- Да, прошу вас.

Лапуэнт вернулся в комнату и сообщил:

- Я позвонил, шеф... Моэрс сейчас приедет...

Луиза Боден вошла с выражением упрямства и вызова на лице. Мегрэ знал этот тип парижской прислуги, видевшей в жизни лишь страдания и неприятности. Такие люди без всякой надежды ждут наступления еще более мучительной старости. Характер у них ожесточается, они становятся недоверчивыми и злятся на весь мир из-за своих несчастий.

- Вас зовут Луиза Боден?

- Да, я мадам Боден.

Она подчеркнула слово "мадам", что, очевидно, представляло в ее глазах признак женского достоинства. Одежда висела на ее тощем теле, а темные глаза смотрели пристально и, казалось, горели каким-то лихорадочным огнем.

- Вы замужем?

- Была...

- Ваш муж умер?

- Если вам так хочется знать, то он во Френе, и поделом ему...

Мегрэ предпочел не уточнять, что привело ее мужа за решетку.

- Вы давно работаете в этом доме?

- Завтра будет пять месяцев...

- Каким образом вас приняли на работу?

- Я пришла наниматься по объявлению. Раньше я работала приходящей прислужкой то в одном месте, то в другом...

Она ухмыльнулась, взглянув на тело убитого, и пробурчала:

- И они еще утверждали в объявлении - постоянное место!

- Вы не оставались здесь ночевать?

- Никогда. Я уходила в восемь вечера и приходила в восемь утра...

- У господина Наура была какая-нибудь профессия?

- Должно быть, он что-то делал, ведь у него есть секретарь, который часами возится с его бумагами...

- Кто этот секретарь?

- Какой-то тип из его же страны, господин Фуад...

- Где он сейчас?

Она повернулась к комиссару квартала.

- В своей комнате...

Ее голос звучал вызывающе.

- Вам он не нравится?

- Почему он должен мне нравиться?

- Вы пришли сегодня утром в восемь часов... и сразу вошли в эту комнату?

- Вначале я пошла на кухню, поставила греться воду на плиту и повесила пальто...

- Сначала вы открыли эту дверь?
- Я всегда начинала уборку отсюда...
- Когда увидели тело, что вы сделали?
- Позвонила в комиссариат...
- Не сообщив о случившемся господину Фуаду?
- Я никому об этом не сообщала...
- Почему?
- Потому что я не доверяю людям, и особенно тем, которые живут в этом доме...
- По какой причине вы им не доверяете?
- Потому что они ненормальные...
- Что вы хотите этим сказать?
- Я-то знаю, что имею в виду... Никто не может помешать мне иметь свое мнение, правда?
- Ожидая полицию, вы не поднялись, чтобы предупредить секретаря?
- Нет. Я пошла на кухню варить себе кофе, утром у меня нет времени приготовить его дома...
- Господин Фуад уже был внизу?
- Он редко спускается вниз раньше десяти...
- Он спал?
- Говорю вам, я не поднималась на второй этаж.
- А горничная?
- Это горничная мадам. Она не занимается хозяином. Мадам остается в постели до полудня, и ничто не мешало горничной тоже поспать подольше...
- Как ее зовут?
- Нелли какая-то... Раз или два я слышала, как ее называли по фамилии, но не запомнила... Голландская фамилия... Она голландка, как и мадам...
- Она вам тоже не нравится?
- А что, это преступление не любить кого-то?
- На этой фотографии я вижу, что у вашей хозяйки двое детей... Они находятся в доме?
- Ноги их никогда не было в этом доме...
- Где они живут?, - Где-то на Лазурном берегу, со своей няней...
- Родители часто навещали их?
- Мне ничего об этом неизвестно. Они много путешествовали, почти всегда врозь, но я никогда не спрашивала, куда они направлялись...
- Фургончик полицейской лаборатории остановился перед садом, и из него вышли Моэрс и его сотрудники.
- Много ли гостей принимал господин Наур?
- Что вы подразумеваете под словом "принимал"?
- Приглашал ли он друзей обедать или ужинать?
- Нет, не приглашал, во всяком случае, пока я здесь работаю. К тому же он сам чаще всего обедал в городе.
- А его жена?
- И она тоже.
- Они вместе обедали?

- Я за ними никогда не следила.
- К хозяевам кто-нибудь приходил?
- Иногда господин встречался с кем-то в кабинете...
- С кем-то из друзей?
- У меня нет привычки подслушивать под дверью... Это были почти всегда иностранцы, люди из его страны, с которыми он говорил на непонятном языке.
- Господин Фуад присутствовал на этих беседах?
- Иногда.
- Минутку, Моэрс, вы не можете начать свою работу, пока не прибудет судебно-медицинский эксперт... Благодарю вас, мадам Бодан... Прошу вас оставаться на кухне и не делать уборку до тех пор, пока все помещения не будут осмотрены... Где находится комната мадам Наур?
- Наверку, на втором этаже...
- Господин Наур и его жена занимали одну общую комнату?
- Нет. Комната хозяина на первом этаже, с другой стороны коридора...
- В этом доме есть столовая?
- Эта комната и есть столовая...
- Благодарю вас за помощь.
- Не за что.

И она с достоинством вышла.

Минуту спустя Моэрс поднимался по лестнице, которая была застелена ковром того же цвета лаванды, что и пол гостиной. За ним шли Маникль и Лапуэнт. На лестничной площадке второго этажа они встретили квартального инспектора в штатском, курившего сигарету.

- Где комната мадам Наур?
- Вот эта, как раз напротив...

Комната была просторной, обставленной в стиле Людовика Шестнадцатого.

Хотя постель и не была разобрана, вокруг царил беспорядок. Зеленое платье и какое-то белье валялись на ковре. Широко раскрытые дверцы шкафов наводили на мысль о поспешном отъезде. Несколько вешалок, одна из которых лежала на кровати, а другая - на обитом шелком кресле, говорили, казалось, что кто-то торопливо хватал одежду, чтобы сунуть ее в чемодан.

Мегрэ небрежно открыл несколько ящиков.

- Лапуэнт, позови, пожалуйста, горничную.

Через несколько минут появилась молодая женщина, почти такая же белокурая, как и мадам Наур, с удивительно голубыми глазами. За ней, в проеме двери, стоял Лапуэнт.

На ней не было ни рабочей блузки, ни традиционного черного платья с белым передником. Она была одета в облегающий костюм из твида.

Это была голландка вроде тех, которых рисуют на банках какао, и для этого ей не хватало национального чепчика с загнутыми вверх уголками.

- Входите... Садитесь...

Ее лицо ничего не выражало, и она, казалось, не понимала ни того, что происходило, ни того, что за люди стояли перед ней.

- Как вас зовут?

Она покачала головой и прошептала:

- Не понимать...

- Вы не говорите по-французски? Она знаком показала, что нет.

- Только по-голландски?

Мегрэ уже предвидел, насколько сложно будет отыскать переводчика.

- Вы говорите по-английски?

- Йес...

Мегрэ немного знал этот язык, но для ведения допроса, возможно важного, этого было недостаточно.

- Не хотите ли, шеф, чтобы я перевел? - скромно предложил Лапуэнт.

Комиссар удивленно посмотрел на него, ведь молодой инспектор никогда не говорил, что знает английский.

- Где ты ему научился?

- Я им занимаюсь каждый день вот уже в течение года... Девушка смотрела то на одного, то на другого. Когда ей за давали вопрос, она не отвечала сразу, а немного медлила, словно ей нужно было время, чтобы осмыслить услышанное.

В ее ответах не было недоверчивой агрессивности, как у Луизы Боден, скорее она казалась какой-то безучастной, и было непонятно, естественная это безучастность или наигранная. Не старалась ли она выглядеть более глупой, чем была на самом деле?

Фразы на английском языке доходили до нее с трудом, и ответы были слишком краткими и простыми.

Ее звали Нелли Фелтхеис. Ей двадцать четыре года. Она родилась во Фрисландии, на севере Нидерландов, откуда в возрасте пятнадцати лет уехала в Амстердам.

- Она сразу же поступила на работу к мадам Наур? Лапуэнт, который перевел этот вопрос, получил в качестве ответа лишь слово "ноу".

- Когда она стала ее горничной?

- Шесть лет назад...

- Каким образом?

- По объявлению, появившемуся в одной амстердамской газете.

- В то время мадам Наур уже была замужем?

- Да.

- Сколько времени?

- Не знаю.

Мегрэ с большим трудом удавалось сохранять хладнокровие, так как все эти "да" и "нет", а вернее, "йес" и "ноу" угрожали затянуться надолго.

- Скажи ей, что мне не нравится, когда меня принимают за дурака.

Смущенный Лапуэнт перевел, и девушка посмотрела на комиссара с легким удивлением, но затем ее лицо вновь приняло выражение полного безразличия.

Две автомашины остановились у края тротуара, и Мегрэ пробурчал:

- Прокуратура прибыла... Оставайся здесь с ней... Постарайся извлечь из допроса максимум возможного...

Заместитель генерального прокурора Нуара, немолодой, с седой старомодной бородкой, успел поработать почти во всех провинциальных судах до того, как был наконец назначен на должность в Париже и ожидал выхода на пенсию, старательно избегая всяческих неприятных историй.

Судебно-медицинский эксперт, некий Колинэ, склонился над трупом, сейчас он замещал доктора Поля, с которым Мегрэ проработал столько лет.

Со временем исчезли и другие - такие, как судебный следователь Камельо, которого комиссар мог бы назвать своим задушевым врагом и об уходе которого ему все-таки случалось сожалеть.

Что касалось следователя Кайота, то он принципиально давал полиции возможность трудиться несколько дней, прежде чем сам вмешивался в расследование.

Врач дважды поменял положение тела убитого, его руки были липкими от загустевшей крови. Он посмотрел на Мегрэ.

- Разумеется, я не могу ничего окончательно утверждать до вскрытия.

Входное отверстие пули дает основание полагать, что речь идет об оружии среднего, если не крупного калибра, выстрел был произведен с расстояния более двух метров. Учитывая, что нет выходного отверстия, можно считать, что пуля осталась в теле. Маловероятно, что она задержалась в горле, где не могла встретить достаточного сопротивления, и я думаю, что выстрел скорее всего произведен снизу вверх, и пуля застряла в черепной коробке...

- Вы хотите сказать, что жертва стояла, в то время как убийца сидел, например, по другую сторону письменного стола?

- Не обязательно сидел, он мог выстрелить, не поднимая руки или приложив ее к бедру...

И только когда люди из похоронного бюро подняли тело, чтобы положить его на носилки, присутствовавшие заметили на ковре пистолет с рукояткой, инкрустированной перламутром, калибра 6,35.

Заместитель генерального прокурора и следователь вопросительно взглянули на Мегрэ, словно желая знать, что он думает по поводу этой находки.

- Как я полагаю, - обратился комиссар к судебно-медицинскому эксперту, - выстрел вряд ли был сделан из этого пистолета?

- Думаю, да, хотя пока нет достаточных данных.

- Моэрс, вы не хотите посмотреть оружие? Моэрс достал салфетку, взял оружие в руки, и вынул обойму.

- Здесь не хватает одного патрона, шеф...

Как только унесли тело, специалисты из лаборатории приступили к работе, фотограф тем временем делал заключительные снимки. Убитого он уже сфотографировал. Теперь все разделились на группы и сновали по квартире. Заместитель генерального прокурора Нуара тронул комиссара за рукав:

- Какой национальности, вы полагаете, был убитый?

- Ливанец...

- Не считаете ли вы, что речь идет о политическом преступлении?

Эта перспектива страшила его, он помнил несколько дел подобного рода - они закончились плачевно для тех, кто ими занимался.

- Думаю, вскоре я смогу вам ответить...

- Вы допросили прислугу?

- Я беседовал со служанкой, но она не была слишком разговорчивой.

Задал несколько вопросов горничной, которая рассказала еще меньше.

Правда, она, кажется, не знает ни слова по-французски, и ее допрашивает сейчас на английском языке Лапуэнт, там, наверху...

- Я прошу вас информировать меня обо всем, что будет нового...

Он искал следователя, чтобы уехать с ним, так как этот визит представителя прокуратуры был всего лишь формальностью.

- Вам еще нужны я и мои люди?

- Нет, старина, но я попросил бы оставить мне в помощь ваших инспекторов еще на некоторое время, а заодно полицейского сержанта, который охраняет вход...

- Они в вашем распоряжении...

Комната понемногу опустела, и Мегрэ остался один перед книжным шкафом - сотни три книг или больше. Он удивился, увидев, что почти все они были научного содержания, причем большинство относилось к математике, а целый ряд полок занимали труды по теории вероятностей.

Открыв ящики, расположенные под полками, Мегрэ обнаружил множество листочков, заполненных колонками цифр. Часть из них была отпечатана на ротаторе.

- Моэрс, не уходи, мы с тобой еще раз поговорим о деле... Оружие отправь на экспертизу к Гастин-Ренетту... Да, и приложи к пистолету вот эту пулю...

Он вынул из кармана завернутую в кусочек ткани пулю, которую ему передал Пардон.

- Где вы это взяли?

- Расскажу об этом потом... Хотелось бы побыстрее узнать, была ли она выпущена из этого пистолета...

Закуривая трубку, он начал подниматься по лестнице, затем заглянул в комнату, где друг против друга сидели Лапуэнт и молодая голландка, и увидел, что инспектор записывает что-то в блокноте, положив его на туалетный столик.

- Где секретарь? - спросил он скусающего в коридоре полицейского инспектора.

- Вон его дверь, в конце коридора.

- Он не скандалил?

- Время от времени он приоткрывает дверь и прислушивается. Ему кто-то звонил по телефону...

- Что ему сообщил комиссар сегодня утром?

- Сказал, что его хозяин убит и что его просят не покидать своей комнаты до особого распоряжения...

- Вы присутствовали при этом разговоре?

- Да.

- Он не казался удивленным?

- Он не из тех людей, что открыто проявляют чувства. Да вы и сами увидите.

Мегрэ постучал, одновременно нажимая на ручку, чтобы открыть дверь. В комнате был полный порядок, и кровать, даже если на ней ночью спали, была тщательно застелена. Перед окном стоял небольшой письменный стол, возле него находилось кресло из рыжеватой кожи, а в нем сидел мужчина, который смотрел на вошедшего комиссара.

Его возраст определить было трудно. Он обладал типичной внешностью араба - темное морщинистое лицо могло принадлежать человеку как сорока, так и шестидесяти лет. В его густых пышных волосах черно-чернильного цвета не было ни одного седого волоса.

Он даже не пошевелился, чтобы встретить посетителя, и лишь смотрел на него жгучими глазами. Его лицо, казалось, не выражало никаких чувств.

- Надеюсь, вы говорите по-французски? Он утвердительно кивнул.

- Комиссар Мегрэ, начальник бригады уголовной полиции. Вы и есть секретарь господина Наура? Вновь утвердительный кивок.

- Не назовете ли вы мне свое точное имя?

- Фуад Уэни.

Голос у него был глухим, как будто он страдал хроническим ларингитом.

- Вам известно, что здесь произошло этой ночью?

- Нет.

- Но вам уже сообщили, что господин Наур убит?

- Да, только это.

- Где вы находились?

Ни один мускул на его лице не дрогнул. Мегрэ редко приходилось встречать таких людей, как в этом доме, людей, которые так упорно отказывались от сотрудничества с ним. Служанка отвечала на вопросы уклончиво, с явной враждебностью в голосе. Горничная-голландка довольствовалась лишь односложными ответами.

Что касается этого Фуада Уэни, одетого в строгий черный костюм, белую рубашку и темно-серый галстук, то он смотрел на собеседника и слушал его с полным безразличием, если не с презрением.

- Вы провели ночь в этой комнате?

- Начиная с половины второго.

- Вы хотите сказать, что возвратились в половине второго ночи?

- Я думал, что вы это поняли из моего ответа.

- Где вы были до этого времени?

- В клубе на бульваре Сен-Мишель.

- В игорном клубе?

Тот ограничился лишь пожатием плеч.

- Где он точно находится?

- Над баром "Липы".

- Вы участвовали в игре?

- Нет.

- Что вы делали?

- Я записывал выигравшие номера.

Не ирония ли придавала ему вид человека, довольного самим собой?

Мегрэ сел на стул и продолжал задавать вопросы.

- Когда вы возвратились, вы заметили свет в гостиной?

- Я не знаю, горел ли там свет.

- Шторы были задернуты?

- Полагаю, что да. Они всегда закрыты по вечерам.

- Вы не видели, просачивался ли свет из-под двери?

- Никакого света из-под двери не было.

- Господин Наур в такое время обычно спал?

- Когда как.

- Он часто уходил по вечерам?

- Когда у него было желание.

- Куда он уходил?

- Куда хотел.

- Один?
- Он уезжал из дома один.
- На машине?
- Вызывал такси.
- Он не водил машину?
- Ему не нравилось водить машину. Днем я служил ему шофером.
- Какой марки его машина?
- "Бентли".
- Она в гараже?
- Я не проверял. Мне запретили выходить из своей комнаты.
- А мадам Наур?
- Что вы хотите знать?
- У нее тоже есть машина?
- "Триумф" зеленого цвета.
- Вчера вечером она уезжала из дома?
- Мне до нее не было никакого дела.
- В каком часу вы вышли из дома?
- В половине одиннадцатого.
- Она находилась здесь?
- Я этого не знаю.
- А господин Наур?
- Я не знаю, вернулся ли он к этому времени. Он должен был ужинать в городе.
- Вам известно, где?
- Вероятно, в "Маленьком Бейруте", где он часто ужинал.
- Кто готовил еду в доме?
- Когда как.
- А завтрак?
- Для господина Феликса - я.
- Для господина Наура? Почему вы называете его господином Феликсом?
- Потому что есть также господин Морис.
- Кто он, господин Морис?
- Отец господина Феликса.
- Он живет здесь?
- Нет, в Ливане.
- А кто есть еще?
- Господин Пьер, брат господина Феликса.
- А где живет он?
- В Женеве.
- Кто вам звонил сегодня утром?
- Мне не звонили.
- Тем не менее слышали, как в вашей комнате звонил телефон.
- Это я заказывал разговор с Женевой, и, когда связь была получена, мне позвонили.
- Вы говорили с господином Пьером?
- Да.
- Вы поставили его в известность?
- Я ему сказал, что господин Феликс умер. Господин Пьер будет в Орли через несколько минут, он должен прилететь ближайшим рейсом.
- Вам известно, чем он занимается в Женеве?

- Он банкир.
- А господин Морис Наур в Бейруте?
- Банкир.
- А господин Феликс?
- У него не было профессии.
- С каких пор вы были у него на службе?
- Я не был у него на службе.
- Разве вы не выполняли обязанности секретаря? И потом, вы только что сказали, что готовили для него завтрак и служили ему шофером.

- Я помогал ему.
- С какого времени?
- Восемнадцать лет.
- Вы знали его еще в Бейруте?
- Я познакомился с ним на юридическом факультете.
- В Париже?

Он утвердительно кивнул, по-прежнему оставаясь бесстрастным и неподвижным в кресле, в то время как Мегрэ, сидя на стуле, начинал терять терпение.

- У него были враги?
- Насколько я знаю, нет.
- Он занимался политикой?
- Конечно, нет.

- Итак, можно утверждать, что вы вышли отсюда примерно в десять тридцать не зная, кто остался в доме. Вы пошли в игорный клуб на бульваре Сен-Мишель, где записывали выигравшие номера, не принимая участия в самой игре. Потом вы возвратились домой в половине второго ночи и поднялись сюда, по-прежнему не интересуясь, где находится каждый из живущих в доме. Это так? Вы ничего не видели, ничего не слышали и не ожидали того, что вас разбудят, чтобы сообщить о том, что господин Наур убит выстрелом из пистолета.

- Я только от вас узнал, что было использовано огнестрельное оружие.
- Что вам известно о семейной жизни господина Феликса Наура?
- Ничего. Это меня не касалось.
- Это была счастливая супружеская чета?
- Я этого не знаю.
- У меня после ваших слов сложилось впечатление, что муж и жена редко бывали вместе.
- Я полагаю, что такое встречается довольно часто.
- Почему дети не живут в Париже?
- Вероятно, на Лазурном берегу им лучше.
- Где жил господин Наур до того, как снял этот дом?
- Везде понемногу... В Италии. Год на Кубе, до революции... Мы жили также в Довиле...
- Вы часто бываете в клубе на Сен-Мишель?
- Два или три раза в неделю.
- И никогда не играете?
- Редко.
- Не желаете ли пройти со мной?

Они направились к лестнице. Стоя, Фуад Уэни казался еще более высоким и сухопарым, чем сидя в кресле.

- Сколько вам лет?

- Не знаю. В горах, когда я родился, не существовало метрических книг. Судя по цифрам, записанным в моем паспорте здесь, во Франции, мне пятьдесят один год.

- А в действительности вам больше или меньше?

- Я не знаю.

В большой комнате люди Моэrsa укладывали свои приборы в чехлы.

Когда фургончик отъехал и двое мужчин остались одни, Мегрэ попросил:

- Оглянитесь и скажите мне, не пропало ли чего-нибудь в комнате. А может быть, появилось что-то лишнее.

Уэни оторвался от созерцания большого пятна крови, открыл правый ящик письменного стола и заявил:

- Отсюда исчез пистолет.

- Какого типа было оружие?

- Браунинг калибра 6,35.

- С перламутровой рукояткой?

- Да.

- Почему Феликс Наур выбрал оружие, которое обычно считается дамским?

- Оно когда-то принадлежало мадам Наур.

- Сколько лет тому назад?

- Мне это неизвестно.

- Он забрал у нее пистолет?

- Он не говорил мне об этом.

- У него было разрешение на ношение оружия?

- Он никогда не носил с собой этот пистолет.

Считая, что вопрос исчерпан, ливанец открыл другие ящики, в которых лежало несколько папок, затем направился к книжным шкафам, открыл нижние дверцы.

- Вы не скажете мне, что это за столбики цифр? Уэни поглядел на него с удивлением, смешанным с иронией, словно считая, что Мегрэ мог бы до этого додуматься сам.

- Это номера, которые выпадали во время игры в крупных казино.

Списки, размноженные на ротаторе, рассылаются агентствами своим абонентам. Остальные господин Феликс получал по договоренности от одного крупье. Мегрэ собирался задать следующий вопрос, но в дверном проеме появился Лапуэнт.

- Вы не можете на минуту подняться, шеф?

- Есть что-то новое?

- Пустяки, но я считаю, что мне лучше сообщить вам об этом.

- Я попросил бы вас, господин Уэни, не покидать дом до тех пор, пока вам не разрешат.

- Могу ли я пойти приготовить себе кофе?

- Пожав плечами, Мегрэ повернулся к нему спиной.

Мегрэ редко чувствовал себя в столь затруднительном положении, словно был выбит из привычной колеи. У него возникло неприятное ощущение, которое испытываешь во сне, когда почва уходит из-под ног.

По заснеженным улицам с трудом передвигались редкие прохожие, старавшиеся сохранять равновесие; машины, такси, автобусы двигались с замедленной скоростью, а вдоль тротуаров ползли грузовики, разбрасывая песок и соль.

Почти все окна домов были освещены, и снег все падал с серого, пасмурного неба.

Он мог почти с уверенностью сказать, что происходило в каждой из этих небольших квартир, где жили простые смертные. За тридцать лет он хорошо изучил Париж, каждый его квартал, каждую улицу, и тем не менее сейчас он как будто погрузился в какой-то иной мир, где реакция обитателей была непредсказуемой.

Как еще вчера жил Феликс Наур? Каковы были отношения между ним и его секретарем, который не признавал себя таковым, как он относился к своей жене и детям? Почему те жили на Лазурном берегу, и почему...

Этих "почему" скопилось столько, что он не мог даже выстроить их в один ряд. Ничего не было ясно. Никакой определенности. Ничто не происходило так, как в других семьях, у других супружеских пар.

Пардон, видно, испытал такое же неприятное ощущение, когда в его медицинский кабинет вторглась какая-то странная чета.

История с выстрелом, сделанным из машины, была маловероятна, как маловероятно и то, что некая пожилая женщина указала на дом врача.

Феликс Наур, с его трудами по математике и списками выигравших и проигравших номеров в различных казино, не вписывался ни в одну из известных Мегрэ категорий людей, да и Фуад Уэни был выходцем из какого-то другого мира.

Комиссару казалось, что все в этом доме было фальшивым, и, когда он поднимался по лестнице, Лапуэнт подтвердил его догадки.

- Я не могу понять, шеф, нормальна ли вообще эта девица. По ее ответам, если она и соизволит отвечать, по взглядам, которые она бросает на меня, кажется, что у нее ум десятилетней девочки, если это не притворство.

Войдя в комнату мадам Наур, где на стуле, обитом шелком, по-прежнему сидела Нелли, Лапуэнт заметил:

- В действительности, шеф, дети старше, чем на этой фотографии.

Девочке теперь пять лет, а мальчику два года.

- Ты узнал, где они живут со своей воспитательницей?

- В Мужене, в пансионе "Пальмы".

- Давно?

- Насколько я мог понять, мальчик родился в Каннах и никогда не был в Париже.

Горничная смотрела на них ясными, прозрачными глазами и, казалось, не понимала ни слова из того, о чем они говорили.

- Я нашел другие фотографии в ящике, который она мне указала...

Дюжину фотографий детей, когда они были грудными, когда уже научились ходить, а вот эта сделана на пляже - Наур и его жена, более молодые, вероятно, в период, когда они встретились... Вот, наконец, снимок мадам Шур с подругой, возле одного из каналов в Амстердаме...

Подруга выглядела некрасивой, с приплюснутым носом, слишком маленькими глазами, но, несмотря на это, ее лицо казалось открытым и привлекательным.

- Письма, найденные в комнате, написаны женским почерком по-голландски. Первое - семь лет назад, а последнее - около двух недель.

- Нелли никогда не ездила в Голландию со своей хозяйкой?

- Утверждает, что нет.

- А сама мадам часто туда ездила?

- Время от времени... По-видимому, одна... Но я не уверен, что даже по-английски Нелли хорошо понимает вопросы, которые я ей задаю...

- Поищи переводчика для этих писем... Что она говорит относительно вчерашнего вечера и этой ночи?

- Ничего. Она ничего не знает. Дом не настолько велик, однако каждый живущий в нем, кажется, представления не имеет, что делают другие. Она думает, что мадам Наур ужинала в городе...

- Одна? Никто не приходил за ней? Она не вызывала такси?

- Она утверждает, что не знает.

- Горничная не помогала мадам Наур одеваться?

- На этот вопрос она отвечает, что ее не вызывали. Она поела на кухне, как обычно, затем поднялась в свою комнату, почитала голландскую газету и легла спать... Показала мне позавчерашний номер...

- Она не слышала звука шагов в коридоре?

- Не обращала на это внимания... Говорит, что как только она засыпает, ее ничто не может разбудить...

- В котором часу она начинает работу?

- Точного времени ей не установили...

Мегрэ тщетно старался отгадать, что скрывалось за этим гладким цвета слоновой кости лбом горничной, которая слегка улыбалась, глядя на него.

- Скажи ей, что она может идти завтракать и что ей не разрешается уходить из дома. Когда Лапуэнт перевел эти указания, Нелли сделала небольшой книксен, на манер воспитанницы пансиона, и безмятежно направилась к лестнице.

- Она лжет, шеф...

- Почему ты так считаешь?

- Она говорит, что этой ночью не входила в гостиную. Сегодня утром местные инспектора не позволили ей выйти из ее комнаты. Однако же, когда я спросил ее о том, какое пальто было на ее хозяйке, она не колеблясь ответила: "Из морской выдры"... А ведь в шкафах у мадам Наур были шубы из норки и серого каракуля...

- Я хочу, чтобы ты взял машину и поехал к доктору Пардону, на бульвар Вольтера. Покажи ему фотографию, которая находится внизу, на письменном столе...

В комнате стоял телефон. Когда он зазвонил, Мегрэ снял трубку и услышал два голоса, один - судебно-медицинского эксперта, другой - Уэни.

- Да, - говорил секретарь, - он еще в доме.... Сейчас я скажу ему...

- Не стоит беспокоиться, господин Уэни, - вмешался Мегрэ. - Положите, пожалуйста, трубку.

Три аппарата, один из которых находился в комнате секретаря, были, таким образом, подключены к одной и той же линии.

- Алло, это Мегрэ...

- Это Колинэ... Я только что начал вскрытие и подумал, что вам сразу нужно сообщить первые результаты... Это не самоубийство...

- Я никогда этого и не предполагал...

- Я тоже, но теперь мы уверены в этом полностью... Я не специалист по баллистике, но, думаю, пуля, обнаруженная, как мы и предполагали, в черепной коробке, выпущена из оружия среднего или крупного калибра - 7,32 или 45. Считаю, что расстояние составляло от трех до четырех метров. Череп треснул...

- Время смерти?

- Для окончательного заключения мне нужно знать, когда убитый последний раз принимал пищу, а для этого необходим анализ внутренних органов...

- А приблизительно?

- Середина ночи...

- Благодарю вас, доктор...

Лапуэнт уже вышел из дома, и было слышно, как он заводил двигатель своей машины.

Двое мужчин внизу говорили на чужом языке, как потом понял Мегрэ, - арабском. Он спустился по лестнице и встретился в коридоре с Уэни, беседовавшим с незнакомцем. Квартальный инспектор, наблюдавший за ними, не решался вмешаться.

Приехавший был похож на Феликса Наура, но выглядел старше, был выше и более худощав. Его темные волосы серебрились на висках.

- Господин Пьер Наур?

- Вы из полиции? - спросил его собеседник недоверчиво.

- Комиссар Мегрэ, начальник бригады уголовной полиции.

- Что случилось с моим братом? Где его тело?

- Он убит этой ночью выстрелом в горло, и его тело отправлено в судебно-медицинский институт...

- Я могу его видеть?

- Да, в скором времени.

- Почему не сейчас?

- Потому что идет вскрытие... Входите, господин Наур... Комиссар какое-то время колебался, приглашать ли Уэни в кабинет, но потом решил:

- Вы не подождете в своей комнате? Уэни и Наур посмотрели друг на друга, и Мегрэ не прочел в глазах брата убитого никакой симпатии к секретарю. Когда дверь закрылась, банкир из Женевы спросил:

- Это произошло здесь?

Комиссар указал на большое пятно крови на ковре, и его собеседник какое-то время хранил молчание, как если бы тело все еще находилось в комнате.

- Как это случилось?

- Пока ничего не известно. По-видимому, он ужинал в городе, и после этого его никто уже не видел.

- А Лина?

- Вы имеете в виду мадам Наур?.. Ее горничная утверждает, что она тоже не ужинала дома и что она не вернулась.

- Ее здесь нет?

- Ее постель не разобрана, и она забрала с собой вещи... Что касается Пьера Наура, то он не казался удивленным.

- А Уэни?

- Он был в игорном клубе на бульваре Сен-Мишель и якобы записывал там номера до часа ночи. Когда Уэни возвратился, то не пытался выяснить, дома ли его хозяин, а поднялся сразу в свою комнату, чтобы лечь спать...

Он ничего не слышал...

Они сидели друг против друга. Банкир машинально вынул из кармана сигару, не решаясь закурить ее, возможно, из уважения к умершему, хотя тела здесь уже не было.

- Я обязан задать вам несколько вопросов, господин Наур, и прошу извинить меня за возможную бестактность. Вы были в хороших отношениях со своим братом?

- В очень хороших отношениях, хотя мы не часто виделись.

- Почему?

- Потому что я живу в Женеве, и если уезжаю, то чаще всего в Ливан...

Что касается брата, то у него не было особых причин ездить в Женеву... У него не было там никаких дел.

- Уэни заявил, что у Феликса Наура не было никакой профессии...

- Это правда и в то же время неверно... Я полагаю, господин Мегрэ, что, не дожидаясь следующих вопросов, мне стоило бы сообщить некоторые сведения, которые позволят вам лучше понять ситуацию... Мой отец - банкир в Бейруте... Вначале его дело было очень скромным и предназначалось, для финансирования импорта и экспорта - ведь именно через Бейрут проходит вся продукция для Ближнего Востока...

Он решился наконец раскурить сигару. Его руки выглядели такими же ухоженными, как у брата, и он тоже носил обручальное кольцо.

- Мы принадлежим к секте христиан-маронитов, что и объясняет выбор наших имен... С годами дело моего отца расширилось, и теперь он управляет одним из самых крупных частных банков Ливана... Я учился на юридическом факультете в Париже...

- Еще до приезда вашего брата?

- Он на пять лет моложе меня... Таким образом, я опередил его...

Когда он приехал, я уже заканчивал учебу...

- Сразу же после этого вы обосновались в Женеве?

- Сначала я работал с отцом, затем мы решили открыть филиал в Швейцарии, "Ливанское отделение", которое я возглавляю... Это довольно скромное дело. В нашем бюро только пять сотрудников, оно расположено на авеню Дю Рон...

Теперь, когда перед ним был человек, который при разговоре излагал все достаточно ясно, Мегрэ пытался поставить каждое действующее лицо на свое место.

- У вас есть еще братья?

- Только сестра, ее муж; управляет таким же отделением, как и мое, но в Стамбуле...

- Таким образом, ваш отец, ваш зять и вы контролируете значительную часть торговли Ливана?

- Около четверти, или, более скромно, пятую часть...

- А ваш брат Феликс не участвовал в финансовой деятельности семьи?

- Он был самым младшим... Феликс также начал изучать право, но без рвения, его больше интересовали пивные в Латинском квартале... Он открыл для себя покер, в котором, как обнаружилось, был очень силен, и проводил за ним ночи напролет...

- Именно тогда он и встретил Уэни?
- Я не утверждаю, что Уэни, который не маронит, а мусульманин, был злым гением, но иногда мне кажется, что это так... Уэни был очень беден, как и большинство людей, живущих в горах... Он должен был работать, чтобы платить за учебу...
- Если я правильно понял, по находкам, которые сделал в этом кабинете, ваш брат был профессиональным игроком...
- Если вообще в данном случае можно говорить о профессии. В один прекрасный день нам стало известно, что он забросил учебу на юридическом факультете, но стал посещать в Сорбонне лекции по математике... В течение нескольких лет отец и Феликс были в ссоре...
- А вы?
- Я встречался с ним изредка... Вначале я считал своим долгом помогать ему деньгами...
- Он вернул их вам?
- Полностью. После того, что я только что сказал, не думайте, что мой брат был неудачником. Первое время, два или три года, оказались для него трудными, но вскоре он начал выигрывать крупные суммы, и я убежден, что он был богаче меня...
- Ваш отец помирился с ним?
- Довольно быстро... У нас, маронитов, сильно развито чувство семьи...
- Я правильно понял - ваш брат играл главным образом в казино?
- В Довиле, в Каннах, в Эвьяне, зимой в Энциене. В течение года или двух, до Кастро, он был техническим советником и, я думаю, компаньоном в казино Гаваны... Он никогда не играл наудачу, а использовал свои математические познания...
- Вы женаты, господин Наур?
- Женат и отец четверых детей, старшему двадцать два года, и он учится в Гарвардском университете.
- Когда женился ваш брат?
- Подождите... Это было... семь лет назад...
- Вы знаете его жену?
- Естественно, я познакомился с Линой...
- Вы встречали ее до свадьбы?
- Нет... У нас всех вообще создалось впечатление, что брат так и останется закоренелым холостяком...
- Как вы узнали о его браке?
- Из письма...
- Вам известно, где состоялась свадьба?
- В Трувиле, где Феликс снял виллу-Лицо Пьера Наура немного омрачилось.
- Что она за человек?
- Не знаю, как вам и ответить...
- Почему?
- Я видел ее всего два раза.
- Ваш брат ездил в Женеву, чтобы ее представить?
- Я приезжал в Париж по делам и встретил их обоих в "Рице", где они тогда жили.
- Ваш брат бывал с ней в Ливане?

- Нет. Через несколько месяцев после свадьбы мой отец встретился с ними в Эвьане, куда ездил лечиться.

- Ваш отец одобрял этот брак?

- Мне трудно отвечать за отца.

- А вы?

- Я считаю, что это не мое дело.

В разговоре вновь возникла какая-то неопределенность, а ответы стали неясными.

- Знаете ли вы, где ваш брат познакомился со своей будущей женой?

- Он никогда об этом не рассказывал, но было нетрудно догадаться. За год до этого в Довиле состоялся конкурс "Мисс Европа"... Феликс жил тогда в этом городе, потому что в казино шла игра по-крупному и банк срывали почти каждый вечер... "Мисс Европой" стала девятнадцатилетняя голландка Эвелина Виимерс.."

- На которой ваш брат женился...

- Примерно год спустя... До этого они много путешествовали вдвоем, или, точнее, втроем, поскольку Феликс никогда не расставался с Фуадом Уэни...

Их разговор прервал телефонный звонок. МегрЭ снял трубку. Звонил Лапуэнт.

- Я у доктора Пардона, шеф... Он сразу же узнал женщину на фотографии... Это раненая, которой он прошлой ночью оказывал помощь...

- Можешь ли ты вернуться сюда? Заскочи сначала на набережную и попроси Жанвье, если он там, Торранса или кого-нибудь еще, чтобы заехали за мной на авеню Парк-Монсу-ри...

Он повесил трубку.

- Извините меня, господин Наур... Мне остается задать вам один довольно нескромный вопрос... Ваш брат и его жена ладили между собой?

Лицо собеседника сразу стало отчужденным.

- Сожалею, но ничего не могу сказать по этому поводу... Я никогда не интересовался супружеской жизнью моего брата...

- Его комната была на первом этаже, а комната жены - на втором...

Насколько я могу судить по показаниям, в которых много недомолвок, супруги редко встречались за столом и еще реже уходили из дома вместе...

Пьер Наур оставался невозмутимым, но скулы у него порозовели.

- Персонал в этом доме ограничивается служанкой, Фуадом Уэни, роль которого не вполне ясна, и горничной-голландкой, говорящей, кроме родного, только на английском языке...

- Мой брат, не считая арабского, владел французским, английским, испанским и итальянским, не говоря о том, что немного изъяснялся по-немецки...

- Уэни готовил завтрак для хозяина, а Нелли Фелтхеис - для хозяйки. С обедом обстояло также, если они ели дома, а ужинали супруги чаще всего в городе, но порознь...

- Я об этом не знал...

- Где находятся ваши дети, господин Наур?

- В Женеве, разумеется, или, точнее, в восьми километрах от Женевы, на нашей вилле...

- Дети вашего брата живут на Лазурном берегу с гувернанткой...

- Феликс часто навещал их и проводил часть года в Каннах...

- А его жена?

- Думаю, она их тоже навещала...

- Вы никогда не слышали, были ли у нее любовники?

- Я живу в другом городе...

- Я попытаюсь, господин Наур, рассказать вам все, что произошло этой ночью, или, точнее, то, что нам известно... До часа ночи ваш брат был убит выстрелом в горло, сделанным из автоматического оружия довольно крупного калибра. Его тип и, вероятно, марку мы узнаем, как только эксперт-оружейник даст свое заключение... Господин Наур в это время стоял у письменного стола...

У вашего брата, как и у того, кто в него стрелял, в руке было оружие - пистолет калибра 6,35 с перламутровой рукояткой. Этот пистолет обычно находился в правом ящике письменного стола, который мы нашли наполовину открытым...

Я не знаю, сколько человек было в комнате, но уверен в том, что в ней присутствовала ваша невестка...

- Откуда это известно?

- Потому что она была ранена пулей, выпущенной из пистолета калибра 6,35. Вам никогда не приходилось слышать о некоем докторе Пардоне, который живет на бульваре Вольтера?

- Я не знаю этого квартала и никогда не слышал подобного имени.

- Ваша невестка, должно быть, о нем слышала, или о нем знал мужчина, который ее сопровождал.

- Вы хотите сказать, что в этой комнате находился кто-то еще?

- Я этого не утверждаю... Мадам Наур до или после происшедшей сцены поспешно затолкала свои вещи в один или несколько чемоданов... Затем, надев шубу из морской выдры, она со своим спутником вышла из "альфы-ромео" красного цвета перед домом 76-6 на бульваре Вольтера, и они позвонили в дверь доктора...

- Кто был этот человек?

- Насколько нам известно, колумбийский гражданин в возрасте двадцати пяти или двадцати шести лет...

Пьер Наур остался невозмутимым, его лицо даже не дрогнуло.

- Вы не знаете, кто бы это мог быть? - спросил Мегрэ, глядя ему в глаза.

- Понятия не имею, - проронил тот, вынимая изо рта сигару.

- Ваша невестка была ранена в спину, но ее жизнь вне опасности.

Доктор Пардон оказал ей первую помощь. Колумбиец рассказал вымышленную историю о том, что его спутница, с которой он якобы не знаком, подверглась на улице нападению. В нее выстрелили из проезжающего автомобиля...

- Где они сейчас находятся?

- В Амстердаме, по всей вероятности... В то время как врач мыл руки и снимал испачканный кровью халат, эта пара бесшумно покинула его кабинет... Позже они появились в Орли, где до сих пор стоит красная машина, а два пассажира, Описание которых совпадает с их приметам, сели в самолет, вылетевший в Амстердам.

Мегрэ встал, чтобы выбить пепел из трубки и набить другую, которую уже вынул из кармана.

- Я был с вами предельно откровенен, господин Наур... И жду от вас того же... Мне надо ехать к себе на набережную Орфевр... Один из моих инспекторов останется здесь и будет следить за тем, чтобы ни служанка, ни Уэни, ни Нелли не покидали без разрешения дом...

- А я?

- Я хочу, чтобы вы также оставались здесь, поскольку сразу же после вскрытия последует опознание тела... Формальность, но это придется сделать...

Комиссар подошел к большому окну. Снег продолжал падать, но уже не такой густой. Небо еще не прояснилось. У тротуара остановились две черные полицейские машины, из одной вышел Лапуэнт, а из второй - Жанвье. Они пересекли сад, и было слышно, как открылась дверь в коридор.

- Возможно, господин Наур, при следующей встрече вы мне расскажете, какие отношения были между вашим братом и его женой, между ней и другими мужчинами...

Пьер Наур ничего не ответил и молча смотрел на ушедшего комиссара.

- Ты останешься здесь, Лапуэнт... Я еду на набережную вместе с Жанвье...

Мегрэ обмотал шею толстым шарфом и накинул на плечи пальто.

Было без десяти двенадцать, когда Мегрэ, удобно устроившегося в своем кресле, соединили с Амстердамом.

- Келеманс?... Алло!.. Это Мегрэ, из Парижа...

Начальник бригады уголовной полиции Амстердама Еф Келеманс был еще молодым, ему едва исполнилось сорок, но из-за своей внешности какого-то рослого студента, розовых щек и белокурых волос он казался и еще лет на десять моложе.

Именно Мегрэ разъяснял ему, как функционирует система уголовной полиции, когда тот приезжал в Париж на стажировку, и они стали добрыми друзьями, встречаясь изредка на международных конгрессах.

- Очень хорошо, Келеманс, спасибо... Моя жена тоже, да... Как? Порт покрыт льдом? Пусть вас утешит то, что Париж превратился в настоящий каток и снег все еще идет...

Алло!.. Послушайте, я хотел бы вас попросить об одной услуге...

Разумеется, не в официальном порядке... Прежде всего, у меня нет времени заполнять необходимые бумаги, чтобы передать по всем правилам... Кроме того, пока нет достаточных данных...

Прошлой ночью два лица, которые меня интересуют, высадились из самолета компании "КЛИМ", вылетевшего из Орли примерно в четыре часа утра... Мужчина и женщина... Возможно, они прикинулись, что не знакомы друг с другом. Мужчине, обладателю колумбийского паспорта, примерно лет двадцать пять... Женщину, голландку по происхождению, зовут Эвелина Наур, девичья фамилия Виермерс; иногда она ненадолго приезжает в Амстердам, где прошла ее молодость...

Оба, я полагаю, должны были заполнить специальные карточки въезда в страну, которые вы, возможно, отыщете в аэропорту...

Мадам Наур не имеет определенного местожительства в Голландии, но у нее есть подруга в Амстердаме, Анна Кехель. На своих письмах она писала адрес: Ломанстраат... Вы знаете, где это?

Хорошо!.. Нет, арестовывать их не надо... Может быть, если вы найдете жену Наура, сообщите ей, что муж: умер и ее ждут, чтобы ознакомиться с завещанием... Скажите, что ее зять прибыл в Париж... Не говорите ей ничего про полицию...

Да, Наур был убит... Пуля в горле... Как? Возможно, она об этом знает, но может быть, что ей это еще не известно, в этом деле я жду любых неожиданностей.

Я не хотел бы, чтобы ее вспугнули... Если она еще со своим спутником, то пусть его не трогают... Если они разделились, я полагаю, что она ему позвонит, чтобы сообщить о вашем визите...

Вы очень любезны, Келеманс... Я отправляюсь обедать домой и рассчитываю, что вы мне позвоните во второй половине дня... Спасибо...

Он набрал номер своего домашнего телефона.

- Что у тебя на обед? - спросил он, когда жена сняла трубку.

- Я приготовила капусту с копченым мясом и была почти уверена, что мне придется разогревать ее на ужин, если не на завтрак!

- Я буду дома через полчаса.

Он взял одну из трубок, аккуратно уложенных на его столе, и, набивая ее табаком, медленно пошел по коридору. Почти в самом его конце размещался кабинет комиссара Лардуа, который руководил отделом по расследованию дел, связанных с азартными играми. Лардуа пришел в уголовную полицию практически одновременно с ним, и оба они с самого начала называли друг друга на "ты". Мегрэ постучал.

- Здравствуй, Рауль.

- Что с тобой случилось, если ты вспомнил о моем существовании? Наши двери находятся в двадцати метрах, а ты заходишь ко мне раз в год...

- Я мог бы сказать то же самое о тебе... Правда, они каждое утро виделись на совещаниях, которые проводил у себя начальник уголовной полиции.

- Мои вопросы могут показаться тебе наивными, но я признаюсь, что ничего не смыслю в азартных играх... Прежде всего, скажи, существуют ли на самом деле профессиональные игроки?

- К этой категории можно отнести владельцев казино, потому что, в конечном счете, они играют против клиентуры... Когда они держат банк на двух столах, случается, что делят ставки пополам с игроком-специалистом... Это - профессионалы, имеющие свой игорный дом.

Другие люди, их немного, живут исключительно за счет игры в течение более или менее длительного времени - то ли потому, что им необычайно везет, то ли потому, что просто сильны в игре.

- Можно ли играть по-научному?

- По-видимому, да. Некоторые игроки, их немного, между сдачей карт и тем моментом, когда нужно просить еще одну карту или отказаться от нее, способны совершить довольно сложный подсчет вероятности выигрыша...

- Ты слышал о некоем Феликсе Науре?

- Его знают все крупье во Франции и за границей... Он относится ко второй категории, хотя в течение какого-то времени работал на пару с американским игорным синдикатом...

- Он честный человек?

- Если бы он им не был, его давно бы вышвырнули вон и запретили появляться в игорных залах... Лишь в небольших казино можно иногда встретить жалких шулеров, которые, впрочем, быстро попадаютсся...

- Что ты знаешь о Науре?

- Прежде всего то, что у него очень красивая жена, мисс чего-то там, которую я встречал несколько раз в Каннах и в Биаррице. Раньше он работал со своей группой с Ближнего Востока...

- С игорным синдикатом?

- Да, пожалуй... Скажем, с игроками, которые не хотят играть сами...

Профессионал, намеревающийся сорвать банк, например в Каннах или в Довиле, должен располагать миллионами, чтобы продержаться до того момента, пока ему повезет... Короче, он должен быть на равных с казино, резервы которого практически неистощимы...

Вот откуда возникает необходимость создавать синдикаты, которые функционируют как финансовые компании, с той лишь разницей, что они действуют более незаметно—Длительное время одинподобный южноамериканский синдикат направлял каждый год своего человека в Довиль, и игорный дом несколько раз находился на грани разорения...

- За Науром всегда стоял какой-нибудь синдикат?

- Теперь он летает на собственных крыльях, но проверить это невозможно...

- Еще один вопрос... Тебе известен клуб на Сен-Мишель? Лардуа помедлил с ответом.

- Да... Я бывал там несколько раз...

- Как получается, что он действует до сих пор?

- Уж не скажешь ли ты, что Наур там играет?

- Нет, но его секретарь, правая рука Наура, проводит там часть ночи два или три раза в неделю...

- Я закрываю глаза на это заведение по просьбе Службы общей безопасности... В основном, клуб посещают иностранные студенты, главным образом из восточных стран, которые живут в том квартале... Это место, где их можно держать под присмотром, и наши коллеги, конечно, не упускают случая... Там был скандал?

- Нет.

- Что-то еще случилось?

- Нет.

- Наур был замешан в какой-то истории?

- Его убили этой ночью.

- В клубе?

- В собственном доме.

- Ты расскажешь мне об этом?

- Когда мне самому будет что-нибудь понятно.

Через двадцать минут Мегрэ, сидя дома за столом, с удовольствием ел капусту по-эльзасски, которую можно отведать лишь в двух парижских ресторанах. Малосольная свинина была чрезвычайно аппетитна, и комиссар открыл несколько бутылок страсбургского пива.

За окном продолжал идти снег, было приятно сидеть в тепле, а не скользить по обледеневшим тротуарам или торчать в амстердамском аэропорту.

- Ты устал?

- Не очень.

Немного помолчав, он добавил, насмешливо глядя на жену:

- В сущности, полицейский не должен быть женатым.

- Ты хочешь сказать, что тогда ему не нужно было бы возвращаться домой и есть капусту? - тут же возразила она.

- Нет, не поэтому, просто ему нужно было бы побыть в самом разном окружении, познать, что такое казино, например, познакомиться с игроками международного класса, с ливанскими маронитами и мусульманами, с молодыми колумбийцами, побывать в кафе Латинского квартала и в Сен-Жермен, которые посещают иностранцы. Я уже не говорю о том, что этому полицейскому стоило бы выучить голландский язык и посмотреть, как проходит конкурс красоты...

- Но ты же во всем этом разбираешься? Она улыбалась, видя, что лицо мулеа понемногу теряет озабоченный вид.

- Расследование это покажет...

Когда он поднялся из-за стола, то почувствовал себя отяжелевшим - наверное потому, что слишком налегал за обедом на пиво. Каким бы счастьем для него было после почти бессонной ночи растянуться на постели и немного поспать, чувствуя сквозь сон, как ходит по квартире мадам Мегрэ, хлопоча по хозяйству!

- Ты уже уходишь?

- Мне должен позвонить из Амстердама Келеманс...

Она тоже знала его, он несколько раз у них обедал. Комиссар вызвал такси, которое, по привычке, ожидал внизу у подъезда.

Жанвье уже ждал у него в кабинете.

- Никто не звонил?

- Только Лапуэнт. В холодильнике было почти пусто, и брат Наура попросил у него разрешения заказать обед в ближайшем ресторане. У Лапуэнта не было никакой причины отказать в этом, в качестве благодарности его пригласили тоже. Два квартальных инспектора вернулись в свой комиссариат. Полицейского, охранявшего вход в дом, заменили...

Да, я забыл! Горшгчная не захотела притронуться к еде и приготовила себе большую чашку шоколада, в котором она размачивала хлебцы...

- Наур и Уэни ели за одним столом?

- Лапуэнт мне ничего не говорил об этом...

- Ты поедешь на бульвар Сен-Мишель... Найди там бар "Липы"... У них имеется игорный зал, действующий под видом частного клуба, на втором этаже... В это время клуб за-крыт.но можно пройти через бар и подняться наверх...

Скален владельцу, что ты от Лардуа и что ему не хотят причинять никаких неприятностей... Попытайся лишь выяснить, был ли Фуад Уэни в клубе прошлой ночью, и, если да, в каком часу появился и когда ушел...

На обратном пути зайти в ресторан "Маленький Бейрут" на улице Бернарден. Его владелец - некий Бутрос. Феликс Наур был одним из постоянных его клиентов. Ужинал ли он вчера в этом ресторане? Один ли был? Когда в последний раз Наур приходил туда со своей женой? Был ли период, когда пара казалась неразлучной? И так далее. Сам посмотри, что смелеешь разузнать...

Мегрэ еще даже не касался утренней почты, грудой лежавшей рядом с трубками. Он протянул руку, чтобы взять одно из писем, зевнул, решил заняться этим делом позже и, опустившись пониже в кресле, уронил голову и закрыл глаза.

Комиссар очнулся от телефонного звонка. Никто не тряс его за плечо, ни от кого он не отбивался. Часы показывали половину четвертого.

- Комиссар Мегрэ?.. Алло...

Телефонистка говорила с сильным акцентом.

- Это из Амстердама... С вами будет говорить комиссар Келеманс...

Послышались два или три щелчка, затем раздался веселый, как всегда, голос голландского полицейского-верзилы.

- Мегрэ?.. Говорит Келеманс... Постарайтесь всегда давать мне такие же легкие поручения... Естественно, я нашел в аэропорту их карточки въезда в страну... Мне далее не пришлось туда ехать... Их содержание продиктовали по телефону... Что касается женщины, то это действительно Эвелина Наур, урожденная Виимерс, проживающая в Париже, на авеню Парк-Монсури... Она моложе, чем вы думали... Ей двадцать семь лет...

Родилась действительно в Амстердаме, но еще девочкой уехала из города с родителями, когда ее отец получил место заместителя директора сыроварни в Леувер-дене, во Фрисландии...

- Вы с ней виделись?

- Она у своей подруги, Анны Кехель. Они жили несколько лет вместе, когда Лина в семнадцать лет добилась разрешения от родителей поехать работать в Амстердам. Лина была телефонисткой в одном туристическом агентстве, затем регистратором у известного врача, наконец, манекенщицей в доме моделей... Анна Кехель все это время работала на пивоваренном заводе, склады которого я вам показывал, когда мы проезжали на катере по Амстелу...

- Какова была реакция Лины Наур, когда вы сообщили ей о смерти мужа?

- Она находится в постели, перед самым моим визитом у нее был врач...

- Она сказала вам о своем ранении...

- Нет. Она уверяла меня, что очень устала.

- Никаких следов присутствия ее спутника?

- В квартире только одна большая комната, кухня и ванная, и если бы он там был, я бы видел... Она спросила про мужа, немного помолчав:

"Отчего он умер?" Я сказал, что не знаю и что ей нужно присутствовать на оглашении завещания.

- Что она ответила?

- Что надеется завтра утром вылететь самолетом, хотя врач и рекомендовал ей длительный отдых... На всякий случай я оставил поблизости одного из своих людей... Все законно, не бойтесь...

- Кто колумбиец?

- Висенте Алваредо, двадцати шести лет, родился в Боготе, студент, проживает в Париже на улице Нотр Дам де Шан...

- Вам удалось его найти?

- Легко. Тоже вполне законно, я приказал прослушать телефон в квартире на Ломанстраат... Лина Наур сняла телефонную трубку прежде, чем я успел удалиться из ее дома... Она позвонила в гостиницу "Рембрандт", и ее соединили с Алваредо... Передо мной лежит стенографическая запись их разговора... Вы хотите, чтобы я зачитал?

Мегрэ сожелел о том, что не мог одновременно и слушать, и набивать табакком одну из своих трубок, так хорошо уложенных на столе.

- Я начинаю.

"Висенте?"

"Да. Доктор приходил?"

"Полчаса назад. Он поверил в то, что я рассказала, и наложил мне швы после того, как обработал рану. Он снова придет завтра утром. Потом был второй визит, приходил кто-то из полиции, очень высокий и очень любезный, он сообщил, что мой муж: умер..."

Молчание.

- Заметьте, Мегрэ, в этот момент молодой человек не задал ни одного вопроса.

"Я нужна нотариусу, который должен огласить завещание. Я обещала вылететь завтра утром".

"Ты думаешь, что сможешь это сделать?"

"У меня температура только тридцать восемь... После того, как доктор дал мне какие-то таблетки, я почти не чувствую боли".

"Я могу прийти к тебе сегодня после обеда?"

"Но не слишком рано, я хочу поспать. Моя подруга позвонила к себе на работу и сказала, что у нее грипп..."

"Я буду у тебя около пяти часов".

Вновь молчание.

- Это все, Мегрэ. Они начали разговор на английском и продолжили на французском. Чем еще я могу быть полезен?

- Я хотел бы знать, вылетит ли она, и если да, то в котором часу будет в Орли... И, конечно, я хочу иметь сведения, чем занимается Алваредо...

- Законно?!

И Келеманс весело завершил разговор, прокричав, как и сотрудники Мегрэ:

- До свидания, шеф!

IV

Время после полудня он провел в полной бездеятельности, сидя в жарко натопленном кабинете и выкурив при этом шесть или семь трубок. Почти во всех расследованиях неизбежно наступает такой момент - Мегрэ называл его "окном", - когда на руках имеется ряд исходных данных, нуждающихся в проверке, но их еще невозможно расставить по своим местам.

Это период спокойный и одновременно побуждающий к действию, поскольку появляется искушение построить гипотезы, сделать выводы, которые в дальнейшем могут оказаться и неверными.

Если бы Мегрэ следовал своим желаниям и если бы не повторял постоянно, что роль дивизионного комиссара заключается не в том, чтобы бегать повсюду, как охотничья собака, он бы сам увидел все своими глазами, как это и происходило в те времена, когда он был всего лишь инспектором.

Например, он завидовал Келемансу, что тот видел Лину Наур и ее некрасивую подругу в амстердамской квартире, где когда-то обе девушки жили вместе.

Ему хотелось бы вместо Лапуэнта провести целый день в доме на авеню Парк-Монсури, чтобы повсюду совать свой нос и вынюхивать во всех закоулках, открывать наугад ящики, наблюдать за Фуадом Уэни, Пьером Науром, за непонятной Нелли, которая, возможно, не была такой инфантильной, какой хотела казаться.

У Мегрэ не было обдуманного плана. Он шел вперед наобум, стараясь не придерживаться какой-то заранее определенной точки зрения.

Он улыбнулся, когда увидел, что в кабинет вошла, постучав в дверь, служанка супругов Пардон.

- Добрый день, господин Мегрэ...

Ведь для нее он не был комиссаром уголовной полиции, а всего лишь гостем, который раз в месяц приходил к ним в дом.

- Я принесла вам рапорт. Мосье Пардон поручил мне передать его лично вам.

Врач отпечатал его двумя пальцами на старой машинке, и в нем были заметны подчистки, пропущенные буквы, некоторые слова сливались.

Уж не начал ли Пардон составлять этот документ прошлой ночью, сразу же после ухода Мегрэ? Или он готовил его, печатая по несколько строчек в перерывах между приемом своих больных? Комиссар бегло просмотрел написанное, и его губы еще шире раздвинулись в улыбке, когда он заметил педантичность своего друга, приложившего большие усилия, чтобы не пропустить ни одной детали, словно речь шла о медицинском заключении.

Как только комиссару сообщили, что в коридоре его ждут журналисты, он сразу же нахмурился. Помедлив немного, Мегрэ проворчал:

- Впустите их.

Их было пятеро, и еще два фотографа. Среди репортеров находился низенький Макий. Ему едва исполнилось двадцать лет, но, несмотря на это и на свой ангельский вид, он был таким же одержимым, как и вся парижская пресса.

- Что вы можете сообщить нам о деле Наура? Подумать только! Это было уже "дело Наура", и под таким названием оно, вероятно, скоро появится во всех газетах.

- Очень мало, ребята, ведь расследование только началось.

- Не думаете ли вы, что Наур мог покончить жизнь самоубийством?

- Разумеется, нет. У нас есть доказательства, что это иной случай.

Пуля, застрявшая в черепной коробке после того, как прошла через горло, не соответствует калибру пистолета, обнаруженного под телом убитого.

- Выходит, он держал это оружие в руке, когда его убивали?

- Вполне возможно. Я уже предвижу следующие вопросы и сразу заявляю, что мне неизвестно, кто находился в тот момент в комнате.

- А в доме? - спросил малыш Макий.

- Молодая горничная-голландка, Нелли Фелтхеис, она спала на втором этаже в комнате, расположенной довольно далеко от той, в которой произошло убийство. Обычно у нее крепкий сон, и она утверждает, что ничего не слышала.

- А разве там не было секретаря?

Должно быть, они уже расспросили соседей и рассыльных, доставлявших продукты в дом.

- У нас нет других показаний, кроме утверждений самого Уэни о том, что он в это время был в городе и возвратился лишь после половины второго ночи. Он не заходил в комнату убитого, а сразу же поднялся к себе и лег в постель.

- А мадам Наур?

- Отсутствовала.

- Она уехала до или после драмы? - вновь спросил упрямый Макий, который умело подбирал слова.

- С этим еще не все ясно.

- Но такой вопрос тем не менее возникает?

- Вопросы всегда возникают.

- Например, вопрос о возможности преступления по политическим мотивам?

- Насколько мы знаем, Феликс Наур политикой не занимался.

- А его брат, который в Женеве?

Комиссар даже не предполагал, что они зашли так далеко в своих поисках.

- Не служил ли его банк прикрытием для ведения иной деятельности?

- На мой взгляд, ваши предположения слишком поспешны.

Тем не менее, Мегрэ следовало бы удостовериться в том, что Пьер Наур действительно прилетел в Париж утренним самолетом. До сих пор не было оснований предполагать, что он приехал сюда заранее.

- Был ли использован пистолет, найденный под телом жертвы?

Мегрэ ответил уклончиво, не выдавая своих догадок:

- Он находится у экспертов, и я еще не получил от них заключения.

Теперь вам известно об этом деле почти столько же, сколько и полиции, и поэтому я прошу вас позволить продолжить расследование. Я обязательно приглашу вас, как только у меня появится что-то новое.

Он догадывался, что Макий оставит одного из своих товарищей в коридоре, чтобы наблюдать за его кабинетом и фиксировать всех посетителей, которых он будет принимать.

- Ну, а разве...

- Нет, ребята! У меня много дел, и я не могу уделить вам больше времени.

Эта беседа прошла не так уж плохо. Он вздохнул, помечтал о бутылке холодного пива, но не решился попросить кого-нибудь из сотрудников принести ее из пивной "Дофин".

- Алло!.. Лапуэнт?.. Ну как там?

- В доме по-прежнему мрачная атмосфера. Служанка злится, что ей не дают заняться уборкой. Нелли лежит в постели и читает детектив на английском языке. Что касается Пьера Наура, то он не покидает кабинета, где разбирает корреспонденцию и документы.

- Он не звонил?

- Один раз в Бейрут, чтобы известить отца о случившемся. Тот намерен вылететь ближайшим самолетом.

- Позови, пожалуйста, Пьера Наура.

- Он рядом со мной.

В трубке послышался голос женевского банкира.

- Я вас слушаю...

- Скажите, был ли у вашего брата нотариус в Париже?

- Три года назад, во время нашей последней встречи, Феликс упомянул о нем, сказав, что если умрет, завещание можно будет найти у мэтра Леруа-Бодье, бульвар Сен-Жермен. По случайности, я очень хорошо знаю Леруа-Бодье, какое-то время мы вместе изучали право, но затем потеряли друг друга из виду.

- Ваш брат сообщил содержание завещания?

- Нет. Он только дал мне понять с некоторой горечью, что, несмотря на упреки отца, остался одним из Науров.

- Вы ничего не обнаружили в бумагах, которые просматривали?

- В основном, это оплаченные счета, указывающие на то, что моя невестка не занималась разносчиками продуктов, возложив эту заботу на своего мужа. Почти ежедневные отчеты воспитательницы, сообщающей о детях, что доказывает привязанность к ним Феликса. Приглашения, письма от управляющих казино и крупье.

- Послушайте, господин Наур. Нет больше необходимости задерживать вас в доме. Вы можете ездить по Парижу, не покидая, однако, города. Если захотите жить в отеле...

- У меня нет такого намерения. Я буду ночевать в комнате брата.

Возможно, я выйду из дома, но только затем, чтобы поужинать...

- Не мелеете ли вы снова передать трубку моему инспектору?.. Алло!..

Лапуэнт?.. Я только что разрешил Пьеру Науру уходить и приходить когда ему вздумается. Но это не касается Уэни, и я предпочитаю, чтобы горничная тоже не покидала дом... Служанка может пойти закупить продукты, а потом, если пожелает, возвратиться к себе домой. К концу дня я пришлю кого-нибудь заменить тебя, пока...

Он вошел в инспекторскую, где человек пятьдесят одновременно печатали рапорты на машинках или звонили по телефону.

- Кто здесь более или менее бегло может говорить по-английски?

Они молча переглянулись, и Барон робко поднял руку.

- Только предупреждаю - у меня плохое произношение.

- Где-то в пять или в шесть часов ты поедешь на Парк-Монсури на замену Лапуэнту и останешься там. Он тебя проинструктирует.

Возвращаясь в свой кабинет, Мегрэ увидел одетого в пальто Жанвье, который, казалось, принес в кабинет ледяное дыхание улицы.

- Я видел хозяина бара "Липы", толстого заспанного типа, который, я подозреваю, хочет выглядеть менее хитрым, чем есть на самом деле. Он утверждает, что не имеет никакого отношения к клубу на втором этаже, управляющим которого является некий Поцци, разве что клиенты клуба проходят в него через бар... По вечерам от восьми и часов до двенадцати в баре толпится народ, многие приходят, чтобы посмотреть телевизор.

Вчера людей было больше обычного, поскольку показывали что-то интересное. Он не видел, когда Уэни пришел, но заметил, что ушел примерно в четверть второго...

- Получается, что Уэни мог прийти в любой момент и провести в клубе всего несколько минут?

- Да, возможно. Если вы разрешите, я сегодня вечером расспрошу Поцци, всех крупье и, в случае необходимости, постоянных посетителей клуба.

Мегрэ хотелось бы пойти туда самому. Какое-то время он колебался, но потом решил, что ему стоило бы отдохнуть после почти бессонной ночи, особенно если учесть работу, которая ждет его завтра.

- А что ты узнал в ресторане?

- Там очень маленький зал, в котором стоит такой сильный запах восточной кухни, что у меня закружилась голова. Бутрос выглядит толстым увальнем, который при ходьбе с трудом передвигает огромные ноги.

По-видимому, он ничего не знал о том, что произошло этой ночью, потому что, когда я сказал ему о смерти Наура, он заплакал.

"Мой лучший клиент!.. Мой брат!.. - вскрикивал он. - Да, инспектор, я любил этого человека, как брата... Подумать только, он приходил сюда обедать, когда был еще студентом, и, случалось, я целыми неделями кормил его в кредит... Став богатым, он не забыл бедного Бутроса и, когда бывал в Париже, приходил сюда ужинать почти каждый вечер..."

Вот, посмотрите, это его столик, в углу, у стойки...

- Он говорил с тобой о госпоже Наур?

- И выглядел при этом, как старая обезьяна, которая гримасничает, но в то же время искоса наблюдает за тобой... Он долго и восторженно говорил о красоте мадам Наур, ее нежности и любезности.

"И не такая уж гордая, инспектор!.. Приходя и уходя, она обязательно пожимала мне руку..."

- Когда он видел ее в последний раз?

- Говорит, что точно не помнит... Вначале она бывала здесь с мужем гораздо чаще, чем в последнее время, да... Это была красивая пара, они выглядели, словно влюбленные... Нет, между ними ничего не произошло, но, разумеется, она должна была заниматься домашними делами и детьми...

- Он не знает, что дети живут на юге?

- Возможно, и нет или, во всяком случае, делает вид, что ему это неизвестно...

Мегрэ невольно улыбнулся. Разве при расследовании этого дела хоть кто-нибудь не лгал? Все началось у Пардона прошлой ночью, когда возникла эта история с выстрелом, якобы раздавшимся из машины, и пожилой женщиной, указавшей на дом врача.

- Минутку! - сказал комиссар Жанвье. - Мне нужно позвонить. Останься здесь...

Он вновь обратился к Лапуэнту.

- Служанка не ушла?

- Мне кажется, я слышу, как она собирается.

- Не можешь ли ты позвать ее к телефону? Ему пришлось ждать долго, затем он услышал в трубке неприветливый женский голос:

- Что вам еще от меня нужно?

- Хочу задать вам один вопрос, мадам Воден. С какого времени вы живете в четырнадцатом округе?

- Не представляю, что это могло бы...

- Мне легко навести справки в комиссариате, где вы, должно быть, зарегистрированы.

- Три года...

- А где жили раньше?

- На улице Серван, в одиннадцатом округе.

- Вам приходилось тогда болеть?

- Мои болезни никого не касаются...

- Но вас лечил доктор Пардон?

- Он хороший человек, этот врач, который не задает вопросов, а лишь лечит...

Таким образом, небольшая загадка, над решением которой комиссар мучился с самого начала, когда узнал про эту историю от Пардона, нашла свое объяснение.

- Ну что, это все? Я могу идти за покупками?

- Еще один вопрос... Видно, вам нравится доктор Пардон... В таком случае, вы, возможно, направляли к нему знакомых...

- Возможно...

- Попробуйте вспомнить... кому вы говорили о нем в доме, где теперь работаете?

Последовало довольно долгое молчание, и Мегрэ слышал, как дышит в трубку пожилая женщина.

- Я ничего не знаю.

- Мадам Наур?

- Она никогда не болела.

- Господину Уэни? Горничной?

- Да поймите же, я совсем не помню, кому говорила о враче! И потом, если мне не разрешают пойти на рынок, так арестуйте меня...

Мегрэ нажал на рычаг телефона. Табак в трубке погас, и, прежде чем набить другую, он поручил Жанвье дозвониться до аэропорта Орли.

- Спроси у инспектора, какой компании принадлежал самолет, прибывший в начале двенадцатого, - "Эр-Франс" или "Суис-Эр".

Жанвье повторил вопрос.

- "Суис-Эр"? - спрашивал он по телефону. - Один момент...

- Пусть тебя соединят со службой регистрации прибывающих пассажиров...

- Алло!.. Будьте любезны...

Через несколько минут Мегрэ уже знал, что Пьер Наур действительно прилетел утром из Женеви самолетом французской авиакомпании, и что ему удалось получить место лишь в последнюю минуту.

- А теперь, шеф?

- Как видишь, я проверяю... Тебе известно, в котором часу вечера ужинал Наур?

- Около половины девятого... Он ушел часом позже... Заказал молодого барашка, затем сладкий пирог с миндалем и изюмом...

- Зайди в соседний кабинет и передай это доктору Колинэ. Эти сведения нужны для того, чтобы установить время смерти...

Сам он тем временем искал номер телефона мэтра Леруа-Бодье. Мегрэ казалось, что это имя ему знакомо. Когда нотариус взял трубку, то сразу же воскликнул:

- Как жизнь, дорогой комиссар? Я уже давно не имел удовольствия видеть или слышать вас...

Мегрэ как раз пытался вспомнить, где они встречались, когда нотариус произнес:

- Вы помните дело Монтрона, этого моего старого клиента, жена которого...

- Да... Да...

- Чем могу быть полезен?

- Я полагаю, у вас хранится завещание некоего Феликса Наура...

- В самом деле... Он аннулировал старое и около двух лет назад составил новое...

- Знаете ли вы, почему он изменил завещание? Нотариус смущенно молчал.

- Вопрос деликатный, и у меня довольно трудное положение... Господин Наур никогда не доверял мне своих мыслей... Что касается самого завещания, то, вам известно, я должен хранить профессиональную тайну...

Если это поможет, могу только сказать, что речь шла о сугубо личных причинах.

- Феликс Наур был убит прошлой ночью в своем кабинете.

- Ах! Но газеты ничего не сообщали об этом.

- Они расскажут о преступлении в ближайших выпусках.

- Преступника арестовали?

- На этот счет у нас есть только противоречивые предположения.

Скажите, бывает ли так, что муж и жена одновременно составляют свои завещания?

- Подобные случаи мне встречались.

- А что касается супругов Наура?

- Я никогда не видел мадам и никогда не имел с ней дела. Это ведь бывшая королева красоты, не так ли?

- Да, верно.

- Когда состоятся похороны?

- Не знаю, тело еще находится у судебно-медицинского эксперта.

- Обычно мы ждем похорон и уже затем собираем всех заинтересованных лиц. Вы полагаете, это будет не скоро?

- Возможно.

- Вы известили семью?

- Брат, Пьер Наур, прибыл в Париж сегодня утром. Отец еще в полдень находился в Бейруте и должен был вылететь первым самолетом.

- А мадам Наур?

- Мы ждем ее завтра утром.

- Послушайте, мой дорогой комиссар, уже сегодня вечером я разошлю приглашения. Может быть, мы соберем всех завтра во второй половине дня?

- Это бы меня устроило.

- Хочется в меру возможностей, не нарушая профессиональной этики, помочь вам. Единственное, что я могу сообщить, - мадам Наур, если она была знакома с первым завещанием, будет неприятно удивлена при оглашении второго. Вам это будет полезно?

- Очень. Благодарю вас, мэтр. Жанвье возвратился в кабинет.

- Есть кое-что новое, - нерешительно заметил комиссар. - Если я правильно понял, мадам Наур в соответствии с первым завещанием должна была унаследовать большую часть состояния мужа. Примерно два года назад муж составил второе, и я удивлюсь, если жена получит больше минимума, предусмотренного законом.

- Вы думаете, что это она...

- Ты забываешь, что я никогда ничего не думаю до тех пор, пока не завершу расследование, - сказал он и добавил со скептической улыбкой:

- Да и какое это имеет значение!

Вторая половина дня определенно была посвящена телефонным звонкам.

- Позвони в пансион "Пальмы" в Мужене. Он порылся в карманах и выудил оттуда клочок бумаги, на котором записал имя воспитательницы.

- Спроси, можно ли позвать мадемуазель Жобе.

Комиссар встал, почувствовав, что после долгого пребывания в кресле у него занемело все тело, и подошел к окну. Снег почти не падал. На улицах уже зажглись фонари, хотя кое-где свет горел и днем.

На мосту Сен-Мишель образовалась пробка, и трое полицейских свистели и размахивали руками, стараясь распутать клубок машин и автобусов.

- Алло! Это мадемуазель Жобе?.. Минутку, пожалуйста... Я передаю трубку комиссару Мегрэ... Нет, из уголовной полиции, из Парижа...

Мегрэ взял трубку и остался стоять, прислонившись к столу.

- Алло, мадемуазель Жобе... Надеюсь, что двое детей находятся с вами?

Что?.. Вы не смогли с ними погулять, потому что идет дождь и холодно?

Пусть вас утешит то, что в Париже из-за снега движение на дорогах почти прекратилось...

Я хочу, чтобы вы сказали, какие в последний раз получали известия от мосье Наура... Он звонил вам вчера?.. В котором часу?.. В десять часов утра... Да, я понимаю... Он всегда звонил до прогулки детей или по вечерам... У него на этот раз не было особой причины для звонка?..

Ничего неожиданного. Он звонил два-три раза в неделю...

А госпожа Наур?.. Реже?.. Один раз?.. Иногда раз в две недели?..

Нет, мадемуазель... Если я вам и задаю эти вопросы, то только потому, что господин Наур был убит сегодня ночью... Никого не арестовали... Вы не могли бы сказать, как давно работаете в этой семье?.. Вот уже пять лет? То есть с рождения первого ребенка...

К сожалению, я не могу сейчас выехать в Мужен... Может быть, мне придется поручить каннской полиции записать ваши показания... Да нет лее!.. Ничего не бойтесь... Я понимаю ваше положение...

Послушайте... Когда вы поступили на работу, супруги Наур много разъезжали, не так ли?.. Да... То в Канны, то в Довиль, то в Эвьян...

Чаще всего они снимали виллу на весь сезон или на меньший срок... Они брали вас с собой?.. Часто?.. Да... Я отлично вас слышу...

Вы жили с ними и с их дочкой в "Рице"... Затем, спустя три года, родился мальчик... Это так?.. Ребенок не болен, и ему не нужен более теплый климат, чем в Париже? Если не ошибаюсь, ему сейчас два года... И это чертенок...

Да, прошу вас, пойдите туда... Я жду у телефона...

Он объяснил Жанвье:

- Дети затеяли ссору в соседней комнате... Она производит впечатление порядочной девушки.. Ее ответы ясны, и она их дает без колебания,..

Хорошо бы и дальше так!..

Алло!.. Да... Итак, господин Наур занимался детьми больше, чем его жена... И это ему вы отправляете ежедневно отчеты об их здоровье и о том, чем они занимаются..

Вы не замечали какой-то напряженности в отношениях между супругами?..

Трудно сказать, я понимаю... Каждый существовал сам по себе... Вас это не удивляло?.. Только вначале?.. Вы к этому привыкли...

Они навещали детей вместе?.. Редко... Я вам очень благодарен за помощь... Понимаю, вам больше ничего не известно... Благодарю вас, мадемуазель...

Мегрэ глубоко вздохнул и раскурил погасшую трубку.

- А теперь меня ждет неприятная обязанность... Хотя, по правде, я говорю это по привычке, ведь следователь Кайот очень любезный человек...

Он взял со стола рапорт своего друга Пардона и не спеша направился в ту часть Дворца правосудия, где размещаются судебные следователи. Кайот не мог расположить свой кабинет в отстроенном недавно крыле, и его рабочее помещение соответствовало описаниям романистов прошлого века.

Казалось, что даже секретарь суда сошел с картины Форе-на или Стенлина <Жан-Луи Форен (1852-1931 гг.) и Теофил Стенлин (1859-1923 гг.) - французские художники-карикатуристы.> и для большего сходства ему лишь не хватало люстриновых нарукавников.

Папки с бумагами заполняли деревянные, выкрашенные в черный цвет полки, часть их, не уместившись, громоздилась на полу. Комната освещалась обычной лампой без абажура.

- Садитесь, Мегрэ... Ну так что же?..

Комиссар рассказывал подробно. Больше часа он сидел на неудобном стуле и выкладывал все, что знал. Когда он наконец ушел, дым из его трубки и от сигарет, выкуренных следователем, превратился в густую пелену, висевшую в воздухе вокруг лампочки.

V

С половины десятого Мегрэ находился в аэропорту, хотя рейс из Амстердама ожидался лишь в девять часов пятьдесят семь минут. Было воскресенье. Когда комиссар брился, то слышал, как диктор радио советовал автомобилистам садиться за руль только в случае необходимости, потому что слежавшийся на дорогах снег стал скользким и гололед усилился.

Его привез Люка, который ждал Мегрэ в машине уголовной полиции. В холле аэропорта было оживленнее, чем на парижских улицах, здесь стояла такая нечеловеческая жара, что кровь ударяла в голову.

Комиссар, выпив кружку пива в одном из баров, почувствовал, как лицо его покраснело, и снова пожалел, что поддался уговорам мадам Мегрэ и надел этот связанный ею удушливый шарф.

Голос диктора сообщил, что самолет из Копенгагена, летящий через Амстердам, задерживается на десять минут, и он принялся прогуливаться взад и вперед, наблюдая за полицейскими. Стоя на выходе, они рассматривали паспорта, бросали короткий взгляд на лицо пассажира, а затем ставили или не ставили печать.

Накануне, около восьми часов, когда он собирался сесть за стол, включив телевизор, ему на бульвар Ришар-Ленуар позвонил Келеманс.

- Лина Наур заказала два места в самолете, вылетающем в Париж в восемь часов сорок пять минут.

- Ее сопровождает Алваредо?

- Нет, второе место для ее подруги, Анны Кехель. Молодой человек зарезервировал место в самолете, который вылетает в одиннадцать двадцать две, а значит, прибывает в Париж: в двенадцать сорок пять.

- Они снова созванивались?

- Примерно в пять часов. Лина Наур сообщила время отъезда и сказала, что летит с подругой. Он ответил, что отправится следующим рейсом. Когда он спросил, как идут дела, она заверила его, что чувствует себя довольно хорошо и что температура у нее понизилась до 37,5.

Наконец объявили о прибытии самолета. Мегрэ прижался к холодному стеклу, наблюдая за обычной суетой вокруг воздушного лайнера.

Он не увидел Лину Наур среди первых пассажиров, спускавшихся по трапу, и уже опасался, что она решила отказаться от вылета, но тут заметил молодую женщину в шубе из морской выдры, шедшую под руку с подругой.

Анна Кехель, маленькая и темноволосая, была одета в пальто едкого зеленого цвета из толстой шерстяной ткани.

Стюардесса помогла Лине подняться в небольшой автобус, где уже разместились другие пассажиры, и дверца его закрылась.

Выйдя последними из самолета, обе женщины последними прошли паспортный контроль, и Мегрэ, опершись о стенку билетной кассы, имел полную возможность рассмотреть их вблизи.

Была ли в самом деле Лина Наур красавицей? Пожалуй, это зависело от вкуса. У нее было светлое, почти белого цвета лицо, свойственное северянам, о чем говорил Пардон, маленький острый носик и глаза цвета голубого фарфора.

В это утро она выглядела осунувшейся, и казалось, что лишь благодаря огромному усилию ей удастся держаться на ногах.

Что касается Анны Кехель, особы некрасивой, но симпатичной, она производила впечатление женщины, способной рассмеяться от каждого пустяка.

Он шел поодаль за ними до таможни, где подруги несколько минут ждали, пока закончат досмотр зеленого чемодана и другого, более дешевого, который, вероятно, принадлежал Анне.

Носильщик взял их вещи и, дойдя до края тротуара, позвал такси, а Мегрэ в это время усаживался рядом с Люка.

- Это они?

- Да. Смотри не потеряй их машину из виду.

Следовать за ними было легко, шофер такси ехал осторожно, и им понадобилось минут сорок, чтобы добраться до парка Монсури.

- Вы считали, что они поедут в другое место?

- Я ничего не считал. Просто хотел быть уверенным... Поставь машину позади такси, как только оно остановится, и жди меня.

Обе женщины вышли из машины, и, прежде чем подойти к садовой решетке, Лина Наур посмотрела на дом снизу вверх, постояла в нерешительности на месте и лишь затем пошла за подругой.

Мегрэ обогнал их и остановился перед крыльцом.

- Кто вы? - спросила Лина, нахмутив брови. Она говорила с легким акцентом.

- Комиссар Мегрэ. Я расследую обстоятельства смерти вашего мужа.

Позвольте пройти с вами в дом...

Она не протестовала и только плотнее запахнула шубу. Было видно, что она нервничает. Шофер принес багаж, оставив его на крыльце, а Анна Кехель открыла сумочку, чтобы расплатиться с ним.

Толстый Торранс, заступивший на дневное дежурство, молча открыл дверь, и Лина посмотрела на него скорее с удивлением, чем с беспокойством.

Чувствовалось, что она не знала, ни что ей делать, ни куда направиться: то ли подняться к себе в комнату, то ли войти в кабинет мужа.

- Где находится его тело? - спросила она у Мегрэ.

- В Институте судебно-медицинской экспертизы.

Может быть, Мегрэ показалось, что она вздохнула с облегчением после того, как узнала, что покойного нет в доме? Похоже, ее била дрожь, и она находилась в таком напряженном состоянии, что двигалась машинально.

Наконец она взялась за ручку двери комнаты мужа, но прежде, чем успела на нее нажать, та отворилась изнутри. За дверью был Пьер Наур, удивленно взглянувший на четырех человек, стоявших в коридоре.

- Добрый день, Пьер, - сказала она, протягивая ему руку.

Действительно ли женеvский банкир помедлил на какое-то мгновение? Но он протянул ей руку.

- Где это случилось?

Пьер Наур посторонился, пропуская в комнату Лину, ее подругу и комиссара. Торранс остался в коридоре - Здесь.. У письменного стола...

Она нерешительно сделала несколько шагов, увидела пятно крови и отвернулась.

- Как это произошло?

- В него выстрелили.

- Он умер сразу же?

Пьер Наур оставался спокойным и сдержанным, и его лицо, когда он смотрел на невестку, ничего не выражало - Неизвестно... Его обнаружила вчера утром служанка, начавшая уборку...

Чувствуя, что Лина пошатнулась, Анна Кехель подвела ее к креслу, куда та уселась с осторожностью, по-видимому испытывая боль в спине. Она знаком показала, что хотела бы закурить, и подруга протянула ей уже зажженную сигарету. Молчание было тягостным. Мегрэ и сам чувствовал некоторую неловкость, понимая физическое и, вероятно, моральное страдание молодой женщины, нервы которой, должно быть, были напряжены до предела.

- Он не мучился?

- Неизвестно, - сухо повторил Пьер Наур.

- В котором часу это... произошло?

- Вероятно, между полночью и половиной второго утра..

- В доме никого не было?

- Фуад был в клубе, а Нелли спала... Она утверждает, что ничего не слышала..

- Я действительно должна присутствовать на встрече у нотариуса?

- Да, он мне звонил.. Завтра во второй половине дня.. ' Мой отец прибыл прошлой ночью и отдыхает в гостинице "Распай" ...

- Что мне делать? - спросила она, не обращаясь непосредственно ни к кому После еще более тягостной паузы подруга сказала ей что-то по-голландски.

- Ты думаешь?.. - ответила ей Лина по-французски - Да. Это лучше, возможно... Я не могла бы заснуть в этом доме...

Лина посмотрела на Мегрэ.

- Я устроюсь в гостинице вместе с подругой и горничной...

Она не просила позволения, а всего лишь сообщала о своем решении.

Затем Лина снова обратилась к своему зятю:

- Нелли наверху? Где мадам Боден?

- Она не пришла. Нелли в своей комнате.

- Я поднимусь, чтобы взять белье и кое-что из одежды... Ты мне поможешь, Анна?

Оставшись одни, мужчины молча смотрели друг на друга.

- Как чувствует себя ваш отец после такого удара, господин Наур?

- Довольно плохо... Сестра прилетела с ним, и теперь они поехали в гостиницу, чтобы отдохнуть... Я настоял, чтобы они не останавливались в этом доме...

- А вы останетесь?

- Я предпочитаю быть здесь... Вы не начинаете догадываться о личности преступника, господин Мегрэ?

- А вы?

- Не знаю... Почему вы не допросили мою невестку?

- Жду, пока она устроится в гостинице. Сейчас, вероятно, она не смогла бы выдержать больше того, что ей пришлось испытать...

Они стояли лицом к лицу, и Пьер Наур сурово глядел на комиссара.

- Я бы хотел задать вам один вопрос, - мягко сказал Мегрэ. - Вы читали корреспонденцию вашего брата, и у вас была возможность поговорить с Уэни... Кажется, он не очень-то расположен сотрудничать с нами...

Возможно, вы...

- Я пробовал вчера вечером вытянуть из него хоть что-то, но без особого успеха...

- Число тех, кто мог бы совершить убийство, довольно ограничено, но при одном условии...

- Каком?

- Представьте себе, что ваш брат, вопреки вашему первому предположению, не только играл в последнее время самостоятельно, но и представлял какой-то синдикат игроков, как это случалось в прошлом...

- Я вижу, куда вы клоните, и прошу вас, господин комиссар, даже не останавливаться на этой гипотезе. Мой брат был честным человеком, как и все Науры... Его скрупулезность доходила до мелочей, в чем я снова убедился, просмотрев его бумаги...

Немыслимо, что, работая на какой-то синдикат, он нанес ему ущерб хотя бы на один сантим и вследствие этого стал объектом мести...

- Я рад слышать то, что вы сказали... Прошу прощения - в силу своих обязанностей я не должен упускать из виду ни одной гипотезы... На эту мысль меня навело присутствие в доме Уэни...

- Не понимаю...

- Не кажется ли вам, что положение Уэни является довольно двусмысленным?.. Он не совсем секретарь, не камердинер, не шофер и все же вовсе не ровня... Он мог бы при вашем брате играть роль своего рода контролера, представителя синдиката игроков...

Наур иронически улыбнулся:

- Если бы это мне сказал кто-нибудь другой, а не вы, я бы ему ответил, что он слишком увлекается чтением полицейских романов... Я вам говорил, что у ливанцев сильно развито чувство семьи. И при этом семья не ограничивается лишь близкими родственниками. Случается, что в нее входят и старые слуги, друзья проживают на равных со всеми правах...

- Вы не могли бы причислить к ним Уэни?

- Нет... Прежде всего потому, что этот человек не вызывает у меня симпатии, и потом, я ведь рано женился, а Феликс оставался холостым до тридцати пяти лет... Наша семья была убеждена, что он никогда не женится...

- Вы позволите?

Мегрэ, услышав шаги на лестнице, пошел открыть дверь. Лина сменила платье и надела норковую шубу. За ней шла Нелли Фелтхеис, неся чемодан и глядя куда-то вдаль, а позади спускалась нагруженная вещами Анна Кехель.

- Не можете ли вы, Пьер, вызвать такси?.. Не стоило отпускать то, на котором мы приехали...

Она вопросительно поглядела на комиссара, и Мегрэ спросил:

- В какой гостинице вы думаете остановиться? В "Рице"?

- О нет! С ней у меня связано слишком много воспоминаний...

Подождите, как называется та гостиница на углу улицы Риволи, возле Вандомской площади?..

- "Отель де Лувр"?

- Да, так... Мы поедем в "Отель де Лувр"...

- Я позволю себе сейчас поехать вслед за вами, так как обязан задать вам несколько вопросов...

- Такси сейчас будет...

Часы показывали почти полдень. Теперь была очередь Жа-нвье - ехать в Орли, ждать там прибытия Алваредо и установить за ним наблюдение.

- До свидания, Пьер... В котором часу состоится завтра оглашение завещания и у какого нотариуса?

- В три часа, у мэтра Леруа-Бодье, бульвар Сен-Жермен...

- Не стоит записывать, - вмешался Мегрэ. - Я дам адрес в гостинице...

Понадобилось какое-то время, чтобы разместить в машине багаж и трех пассажиров. Стоя на тротуаре, Лина дрожала от холода и смотрела вокруг, словно не узнавая окружающей ее привычной обстановки.

Пьер Наур закрыл дверь дома, и Мегрэ увидел, как шевельнулась штора в окне комнаты, в которой, должно быть, находился Уэни.

Он сказал Люка, садясь рядом с ним:

- Следуй за ними... Они направились в "Отель де Лувр", но я предпочитаю убедиться в этом... Я до сих пор не уверен, что во всей этой истории все искренни до конца...

Улицы были такими же пустынными, как и в августе, когда не видно туристских автобусов. Такси остановилось перед "Отель де Лувр". Сначала в гостиницу вошли Лина и ее подруга, видимо, хотели узнать, есть ли там свободные комнаты. Через несколько минут за багажом пришел носильщик, а горничная, посмотрев на счетчик, расплатилась за проезд.

- Поставь где-нибудь машину и приходи ко мне в бар. Нужно все же дать ей время обжиться в своем номере и прийти в себя.

К тому все его мучила жажда.

В баре царили тишина и полумрак. Двое англичан беседовали, устроившись на высоких сиденьях, но слов нельзя было разобрать. На стенах, обшитых дубовыми панелями, в четырех или пяти метрах друг от друга висели бронзовые бра, освещавшие бар тусклым светом. В углу, с бокалом красноватого коктейля, кого-то ждала молодая женщина. Четверо мужчин вели тихий разговор, изредка наклоняясь друг к другу.

И здесь тоже чувствовалось воскресенье, день, свободный от всяческих забот. Сквозь кремовые шторы едва различались грязные сугробы, черные деревья, головы идущих прохожих.

- Не желаете ли снять пальто, мосье?

- О, прошу прощения...

Из-за тех дел, которые он расследовал, ему чаще приходилось бывать в различных небольших кафе или в шумных барах в районе Елисейских полей, чем в таких роскошных гостиницах. Он снял пальто, облегченно вздохнул, осведомившись наконец от слишком теплого шарфа.

- Пива... - бросил он бармену, который смотрел на него, словно пытаясь вспомнить, где он мог видеть это лицо.

- "Карлсберг", "Хайникен"?

- Безразлично...

Добряка Люка тоже остановила девушка из гардероба.

- Что ты будешь пить?

- А вы, шеф?

- Я заказал себе пиво.

- Тогда и для меня то же самое.

Буквы, составляющие название "Гриль-ресторан", слабо светились над открытой дверью, откуда доносилось легкое позвякивание тарелок.

- Ты голоден?

- Не очень...

- Тебе известны номера комнат?

- 437, 438 и 439. Две спальни и маленькая гостиная.

- А Нелли?

- Она будет ночевать там же. 437-й номер - большая комната с двумя кроватями для госпожи Наур и ее подруги...

- Я сейчас вернусь...

По широкому коридору с мраморным полом Мегрэ направился к двери с надписью "телефон".

- Соедините меня, пожалуйста, с комнатой 437 - Минутку...

- Алло!.. Госпожа Наур?

- Кто ее спрашивает?

- Комиссар Мегрэ.

- Это Анна Кехель. Госпожа Наур принимает ванну.

- Спросите у нее, удобно ли ей, чтобы я поднялся к ней минут через десять, или она хочет сначала пообедать.

Переговоры затянулись. Комиссар слышал в трубке неясные голоса.

- Алло!.. Она не голодна, поела в самолете, но хотела бы, чтобы вы поднялись через полчаса.

Через несколько минут Мегрэ и Люка вошли в зал "Гриль-ресторана", на стенах которого были такие же панели и такие же бра, как и в баре, а на столах стояли небольшие лампы. Занятыми оказались лишь несколько столиков, и люди, сидевшие за ними, шептались, как в церкви. Метрдотель и официанты молча сновали по залу, словно слушители культа.

Мегрэ покачал головой, когда ему протянули огромное меню.

- Холодное мясо ассорти, - негромко произнес он.

- Мне тоже. Метрдотель поправил их:

- Два блюда с холодным мясом.

- И пива.

- Напитками у нас занимается специальный официант.

- Ты не позвонишь на набережную, чтобы сказать, что мы здесь? Пусть это передадут Жанвье, который, видимо, еще в Орли. Сообщи им номера комнат.

Чувствовалось, что Мегрэ сделался как-то грузнее, и, видя его настроение, Люка старался не задавать лишних вопросов.

Они ели в молчании, ощущая не себе постоянное внимание метрдотеля и официантов.

- Вы будете пить кофе?

Официант в национальном турецком наряде принес кофе и церемонным жестом разлил его в чашки.

- Будет лучше, если ты пойдешь со мной. Они поднялись на четвертый этаж, нашли комнату 437, постучали, но открылась дверь соседней - комнаты 438.

- Сюда, пожалуйста, - сказала им Анна Кехель. Она тоже приняла ванну или душ, пряди волос были еще влажными.

- Входите... Сейчас я скажу Лине...

Небольшая гостиная имела приятный вид: светло-серые стены, нежно-голубые кресла, столик цвета слоновой кости. В соседней комнате кто-то ходил взад и вперед, наверное, Нелли Фелтхеис, которая распаковывала чемоданы.

Стоя посреди гостиной, они ждали довольно долго, испытывая чувство неловкости, пока наконец не появились обе женщины. Мегрэ это удивило, он думал, что Лина примет его, лежа в постели.

Мадам Наур только что причесалась, на лице у нее не было косметики.

Лина выглядела хрупкой и беззащитной. На ней был поношенный махровый халат розового цвета. Возможно, ей и трудно было принимать полицейских, но держалась она спокойно, ее утреннее нервное напряжение исчезло.

Она удивилась, увидев двух мужчин, а не одного, как ожидала, и какое-то время оставалась словно в нерешительности, глядя на Люка.

- Это один из моих инспекторов, - пояснил Мегрэ.

- Садитесь, господа.

Она села на диван, а ее подруга устроилась рядом.

- Прошу прощения, что потревожил вас сразу же после приезда, но вы должны понять, мадам, что я обязан задать несколько вопросов.

Она закурила сигарету, и было видно, как пальцы ее, державшие спичку, слегка дрожали.

- Вы можете курить.

- Благодарю вас.

Комиссар не сразу принялся набивать трубку табаком.

- Могу ли я спросить, где вы были в ночь с пятницы на субботу?
- Какое время вас интересует?
- Я хотел бы знать, как вы провели время вечером и ночью.
- Я вышла из дома около восьми часов вечера.
- Почти одновременно с мужем?
- Я не знаю, где он находился в тот момент.
- У вас было заведено уходить из дома и не сообщать ему, куда вы направляетесь?
- Мы оба были вольны поступать так, как нам того хотелось.
- Вы уехали на своей машине?
- Нет. На улице был гололед, и у меня не было желания садиться за руль.
- Вы вызвали такси?
- Да.
- По телефону, который находится в вашей комнате?
- Да. Разумеется.

Она говорила голосом маленькой девочки, отвечающей урок, и ее наивные глаза кого-то напоминали комиссару. И только после нескольких ее ответов ему вспомнилась горничная, девушка с почти прозрачными глазами и детским выражением лица.

Так же вела себя и Лина, и можно было подумать, что одна копировала другую, настолько их поведение, вплоть до частого помаргивания ресницами, было похожим.

- Куда вы поехали?
 - В ресторан на Елисейских полях... "Мариньян". Она какое-то мгновение колебалась, прежде чем произнести это название.
 - Вы часто ужинали в "Мариньяне"?
 - Иногда.
 - Одна? - - Большею частью.
 - Где вы сидели?
 - В большом зале.
- Там обычно бывало по сотне клиентов, и потому нельзя было проверить ее алиби.
- Никто к вам не присоединился?
 - Нет.
 - Вы не назначали встречи?
 - Я оставалась одна до конца.
 - То есть до которого часа?
 - Не помню. Вероятно, до десяти.
 - А до того, как устроиться в зале, вы не заходили в бар?

Она снова поколебалась, прежде чем отрицательно покачать головой.

Больше нервничала Анна Кехель, которая постоянно крутила головой, бросая взгляд то на Лину, то на комиссара.

- Что вы делали потом?
- Немного прошлась по Елисейским полям, чтобы подышать свежим воздухом.
- Несмотря на скользкие тротуары?
- Они были расчищены. Где-то возле "Лидо" я взяла такси и вернулась домой.

- Вы и на этот раз не встретили мужа, который вернулся около десяти часов?
- Не видела. Я поднялась в свою комнату, где Нелли уже заканчивала укладывать мой чемодан.
- Вы решили уехать?

С самым простодушным видом она ответила:

- Я решила уехать еще восемь дней назад.
- Куда вы намеревались отправиться?
- Ну... в Амстердам, конечно.

И она что-то сказала по-голландски Анне Кехель. Та вышла и вернулась с каким-то письмом. На нем стояла дата шестого января, оно было написано на непонятном языке.

- Вы можете отдать перевести его. В нем я сообщаю Анне о своем приезде пятнадцатого января.

- Вы заказали себе билет на самолет?
- Нет. Сначала я думала поехать поездом. Есть экспресс, который отбывает в одиннадцать часов двенадцать минут.
- Вы не хотели взять с собой горничную?
- Для нее нет места в маленькой квартире Анны.

Мегрэ, давая ей возможность запутаться окончательно, почти восхищался тем безмятежным простодушием, с которым она продолжала лгать.

- Уходя, вы не задержались на какое-то время на первом этаже?
- Нет. Такси, которое вызвала Нелли, уже ждало внизу.
- Вы не попрощались с мужем?
- Нет. Он знал, что я уезжаю.
- Вы велели доставить вас на Северный вокзал?
- Из-за плохой дороги мы опоздали. Поезд уже ушел, и я решила лететь самолетом.
- И по пути в Орли заехали на бульвар Вольтера? Она даже не вздрогнула. Смятение отразилось лишь на лице Кехель.
- Где это?

- Боюсь, вам это так же хорошо известно, как и мне. Как вы узнали адрес доктора Пардона?

Последовало долгое молчание. Она закурила новую сигарету, поднялась, сделала несколько шагов по комнате, вернулась и вновь уселась на диван.

Если она и была смущена, то не подавала виду. Казалось, мадам Наур раздумывала, как ей вести себя дальше.

- Что вам известно? - спросила она в свою очередь, глядя Мегрэ прямо в глаза.
- Что ваш муж стрелял в вас из пистолета калибра 6,35. Прежде это оружие с перламутровой рукояткой принадлежало вам. Ваш муж хранил его в ящике письменного стола.

Положив одну руку на подлокотник, а другой держась за подбородок, она продолжала удивленно смотреть на комиссара. Ее можно было принять за примерную девочку, слушающую наставления учителя.

- Вы уехали из дома не на такси, а на красной машине вашего друга, которого зовут Висенте Алваредо. Это с ним вы приехали на бульвар Вольтера, где он рассказал вымышленную историю о том, как на вас покушался какой-то неизвестный автомобилист...

Доктор Пардон, у которого вы так и не открыли рта, наложил вам временную повязку. Пока он снимал халат, вы украдкой покинули его квартиру...

- Что вы от меня хотите?

Она не казалась смущенной. Можно было поклясться, что она улыбалась ему с видом ребенка, которого уличили в чем-то нехорошем и который не считает ложь большим грехом.

- Я желаю знать правду.

- Я предпочла бы, чтобы вы задавали мне конкретные вопросы.

Это тоже было хитрой уловкой, таким образом она смогла бы понять, что было известно полиции. Мегрэ тем не менее принял эту игру.

- Это письмо действительно было написано шестого января? Я должен вас предупредить, что анализ чернил позволит нам проверить это.

- Оно было написано шестого января.

- Ваш муж был в курсе?

- Он должен был догадываться.

- Догадываться о чем?

- О том, что я скоро уеду.

- Почему?

- Потому что наша жизнь стала невыносимой.

- С какого времени?

- Вот уже много месяцев.

- Два года?

- Возможно.

- С тех пор, как вы встретили Висенте Алваредо? Анна Кехель нервничала все больше, и ее нога как бы случайно коснулась розовой туфли Лины.

- Примерно.

- Муж догадывался о вашей связи?

- Не знаю. Возможно, что нас, Висенте и меня, кто-то видел. Мы не прятались.

- Кажется ли вам естественным, что замужняя женщина?..

- Я так мало ею была!

- Что вы хотите этим сказать?

- Последние несколько лет Феликс и я жили как чужие.

- Однако два года назад у вас появился ребенок.

- Потому что муж непременно хотел иметь сына. Хорошо хоть не родилась вторая дочь.

- Ваш сын от него?

- Вне всякого сомнения. Я встретила Алваредо уже после того, как родила, и только начинала тогда выходить из дома.

- У вас не было других любовников?

- Ваше дело - верить или не верить. Но это был первый.

- Что вы планировали на вечер четырнадцатого числа?

- Не понимаю, о чем вы?

- Шестого числа вы написали своей подруге, что прибудете в Амстердам пятнадцатого.

Анна Кехель произнесла что-то по-голландски, но Лина лишь кивнула ей головой и продолжала так же уверенно смотреть на комиссара.

Мегрэ наконец раскурил свою трубку.

- Я попытаюсь вам объяснить. Алваредо хотел, чтобы я развелась с Науром и вышла за него замуж. Я попросила Висенте неделю отсрочки, потому что знала, что это будет нелегко сделать. В семье Науров никогда не было разводов, и Феликс стремился поддерживать традиции.

Мы решили, что я поговорю с ним четырнадцатого, и, чтобы он ни ответил, мы немедленно уедем в Амстердам.

- Почему в Амстердам?

Казалось, она была удивлена непонятливостью комиссара.

- Потому что это город, где прошло мое детство, я жила в нем, когда была девушкой. Висенте не знал Голландии. Я хотела показать ее ему.

Добившись развода, мы поехали бы в Колумбию повидать его родителей перед свадьбой.

- У вас есть собственное состояние?

- Нет конечно. Но нам не нужны деньги Науров. Она добавила с оттенком какой-то гордости:

- Семья Алваредо богаче Науров, ей принадлежит большая часть золотых приисков Колумбии.

- Хорошо. Итак, вы ушли из дома около восьми часов, ничего не сказав мужу. Алваредо ожидал вас в своей "альфа-ромео". Где вы ужинали?

- В небольшом ресторане на бульваре Монпарнас, Висенте ходит туда обедать почти всегда, он там рядом живет.

- Вас не беспокоила возможная реакция мужа на ваше предложение?

- Нет.

- Почему нет, если он противился разводу?

- Потому что он ничем не смог бы меня удержать.

- Он по-прежнему любил вас?

- Я вообще не уверена в том, что он меня когда-нибудь любил.

- По какой же причине он женился на вас?

- Возможно, для того, чтобы везде показываться с красивой и хорошо одетой женой. Все началось в Довиле, в тот год, когда я получила титул "Мисс Европа". Мы несколько раз сталкивались в холлах и коридорах казино. Однажды вечером, когда я стояла возле стола с рулеткой, он протянул мне жетоны и прошептал: "Ставьте на четырнадцать".

- И выпал четырнадцатый номер?

- Не в первый, а на третий раз. Он выпал два раза подряд, и я в жизни не видела столько денег, как в тот вечер, когда обменяла жетоны в кассе.

Ситуация изменилась. Теперь она могла рассказывать правду - то, что было почти очевидным.

- Он узнал номер моей комнаты и прислал мне цветы. Мы несколько раз обедали вместе. Феликс казался робким. Чувствовалось, что он не привык общаться с дамами.

- Однако ему было тридцать пять лет.

- Я не особенно уверена, что до меня он знал других женщин. А потом он увез меня в Биарриц.

- И по-прежнему ничего от вас не требовал?

- В Биаррице, где, как и в Довиле, Феликс проводил все ночи в казино, однажды он вошел в мою комнату около пяти часов утра. Обычно Наур не пил. Но тогда я почувствовала, что от него пахло алкоголем.

- Он был пьян?

- Выпил одну или две рюмки для храбрости.

- И это случилось именно тогда?

- Да. Он провел со мной всего полчаса. И за пять следующих месяцев приходил ко мне не больше десяти раз. Тем не менее он предложил выйти за него замуж. Я согласилась.

- Потому что он был богатым?

- Потому что мне нравилась жизнь, которую он вел, переезжая из гостиницы в гостиницу, из казино в казино. Мы поженились в Каннах.

Продолжали спать в разных комнатах. Этого хотел он. Феликс был очень стеснительным. Я думаю, ему было как-то стыдно за то, что он такой толстый, он весил тогда намного больше, чем в последние годы.

- Он относился к вам с нежностью?

- Обращался со мной, как с куклой, и ничего не изменил в своей обычной жизни. Нас повсюду сопровождал Уэни, с которым Феликс проводил больше времени, чем со мной.

- Какие у вас отношения с Уэни?

- Он мне не нравился.

- Почему?

- Не знаю. Возможно, потому, что Уэни имел слишком сильное влияние на мужа. Может быть, из-за того, что он принадлежит к другой породе, которую я не понимаю.

- Как вел себя Уэни по отношению к вам?

- Казалось, он меня не замечает. Наверное, он глубоко презирает меня, как презирает вообще всех женщин. Однажды, когда мне было особенно скучно, я попросила разрешения нанять себе горничную-голландку. Я поместила объявление в амстердамских газетах и выбрала Нелли, потому что она казалась веселой девушкой.

Теперь она уже улыбалась, однако ее обеспокоенной подруге совсем не нравился оборот, который принимала беседа.

- Вернемся к тому вечеру в пятницу. В котором часу вы вернулись домой?

- В половине двенадцатого.

- До этого времени вы с Алваредо оставались в ресторане?

- Нет. Мы пошли к нему домой за чемоданом. Я помогла ему сложить вещи. Мы поболтали, выпили по рюмке.

- Когда вы приехали сюда, он оставался в машине?

- Да.

- Вы вошли в комнату мужа?

- Нет. Я поднялась к себе и переоделась. Потом спросила Нелли, дома ли муж, она сказала, что слышала, как Наур вернулся.

- Нелли вам сказала, был ли он один или с секретарем?

- С секретарем.

- Вас не смущало, что тот мог присутствовать при вашей беседе с мужем?

- Я привыкла к вечному присутствию Уэни. Не знаю, который был час, когда я спустилась вниз. Я уже надела шубу. За мной шла Нелли с чемоданом, который она поставила в коридоре, и мы поцеловались на прощание.

- Она должна была к вам присоединиться?

- Как только я вызвала бы ее.

- Она поднялась в свою комнату, не дожидаясь результатов вашего разговора с мужем?

- Нелли знала, что я приняла решение и не откажусь от него.

Зазвонил телефон, стоявший на маленьком круглом столике. Мегрэ знаком показал Люка, чтобы тот взял трубку.

- Алло!.. Да... Комиссар здесь... Одну минуту... Мегрэ знал, что сейчас услышит голос Жанвье.

- Он приехал, шеф, находится у себя, на бульваре...

- На бульваре Монпарнас?

- Вы уже знаете? У него однокомнатная квартира на третьем этаже. Я звоню из небольшого бара, что напротив этого дома...

- Продолжай наблюдать за ним... Пока... Лина спросила с самым естественным видом, как будто это само собой разумелось:

- Висенте приехал?

- Да. Он у себя.

- Почему полиция за ним следит?

- Потому что ее задача наблюдать за всеми подозреваемыми.

- Почему вы его подозреваете? Никогда ноги Висенте не было в доме на авеню Парк-Монсури.

- Возможно.

- Вы мне не верите?

- Я не знаю, когда вы говорите правду. Кстати, как вам удалось узнать адрес доктора Пардона?

- Его мне дала Нелли, а она узнала от нашей служанки, которая раньше жила в том районе. Мне требовалась срочная помощь, и как можно дальше от дома...

- Хорошо! - проворчал Мегрэ без всякой убежденности в голосе, решив ничего не принимать на веру. - Вы целуете на прощание Нелли Фелтхеис в коридоре, где стоит чемодан. Она поднимается по лестнице. Вы входите в комнату мужа и видите, что он чем-то занят с Уэни. Она кивнула.

- Вы сразу же сообщили ему об отъезде?

- Я сказала, что уезжаю в Амстердам и напишу оттуда через своего адвоката, чтобы решить вопрос о разводе.

- Как он отреагировал?

- Он долгое время глядел на меня, ничего не говоря, затем прошептал:

"Это невозможно".

- Он не попросил Уэни удалиться из комнаты?

- Нет.

- Наур сидел за своим столом?

- Да.

- А Уэни сидел напротив?

- Нет. Он стоял рядом, с бумагами в руке. Не помню, какие слова я говорила. Я все же была взвинчена.

- Алваредо советовал вам взять с собой какое-нибудь оружие? Он вам дал его?

- У меня не было оружия. Да и зачем мне нужно было его иметь? Я заявила, что решение мое окончательное, что ничто не заставит меня отказаться от него, и уже почти повернулась, чтобы направиться к двери... когда услышала выстрел и одновременно почувствовала резкую боль, как ожог, в лопатке.

Должно быть, я повернула голову назад, потому что помню, что Феликс стоял, держа пистолет в руке. Я как сейчас вижу его вытаращенные глаза, словно он только тогда вдруг осознал, что сделал.

- А Уэни?

- Он неподвижно стоял рядом с ним.

- Что вы делали дальше?

- Я боялась потерять сознание. Мне не хотелось, чтобы это случилось в доме, где я осталась бы во власти этих двух мужчин. Я устремилась к двери, добралась до машины, дверцу которой открыл мне Висенте.

- Вы не слышали второго выстрела?

- Нет. Я сказала Висенте, чтобы он отвез меня на бульвар Вольтера к врачу и назвала адрес...

- Но вы все-таки не знали доктора Пардона...

- У меня не было времени объяснять. Мне было плохо.

- Почему вы не поехали к Алваредо, его дом в двух шагах, чтобы он вызвал своего врача?

- Потому что я не хотела скандала. Я стремилась в Голландию и была убеждена, что полиция ни о чем не узнает. Поэтому у доктора я не проронила ни слова, чтобы он не смог меня узнать по акценту.

Я не ожидала, что нам будут задавать вопросы. Я даже не знала, что в ране была пуля и считала, что она была поверхностной. Нужно было только остановить кровотечение.

- Как Висенте и вы собирались добраться до Амстердама?

- На его машине. Когда я вышла от врача, то почувствовала себя слишком слабой, чтобы многие часы провести в дороге, и Висенте посоветовал лететь самолетом. Я помнила, что есть ночной рейс, которым однажды летала. В Орли нам пришлось долго ждать, и мы не были уверены, что самолет сможет взлететь из-за снега и гололедицы.

В Амстердаме Висенте сразу же отвез меня на такси к Анне, и я сказала, в каком отеле ему ждать моего звонка... До моего развода мы жили бы с Висенте в разных местах...

- Чтобы избежать обвинения в супружеской измене?

- Меры предосторожности были уже излишними. После этого выстрела Феликс не мог отказать мне в разводе.

- Таким образом, если я правильно понял, в конечном счете все для вас закончилось удачно?

Она посмотрела на него и, невольно улыбаясь, с хитрым видом призналась:

- Да.

Самым любопытным было то, что все это казалось правдоподобным, хотелось в это верить, так откровенно и искренне отвечала она на вопросы. Наблюдая за ее лицом, похожим на детское, как и у Нелли Фелтхеис, Мегрэ понимал, почему Наур обращался с ней, как с маленьким ребенком, и почему Висенте Алваредо потерял голову от любви, решив, несмотря на мужа и двух детей, жениться на ней.

В комфортабельной и уютной гостиной царил приятная атмосфера, и хотелось полностью расслабиться. У Люка был вид толстого кота, который вот-вот замурлычет.

- Я позволю себе сделать одно замечание, мадам Наур: нет никого, кто подтвердил бы ваши слова. По вашему утверждению, вас было трое в кабинете в момент первого выстрела.

- Но у вас ведь есть показания Фуада.

- К сожалению, он утверждает, что вернулся в дом лишь во втором часу ночи, и установлено, что он ушел из клуба на бульваре Сен-Мишель приблизительно в это время.

- Он лжет.

- Его там видели.

- А если он отправился туда после выстрела?

- Мы постараемся выяснить это.

- Вы можете спросить у Нелли.

- Она не понимает французского языка, не так ли? Мегрэ почувствовал ее легкое замешательство, и она уклончиво ответила:

- Нелли говорит по-английски.

Внезапно плотное тело комиссара распрямилось, он бесшумно подошел к двери в соседнюю комнату и резко ее открыл. Горничная чуть было не рухнула на него, ей с трудом удалось сохранить равновесие.

- И давно вы подслушиваете?

Она качала головой сначала утвердительно, потом отрицательно, взглядом призывая хозяйку прийти ей на помощь.

- Она немного понимает французский язык, - вмешалась Лина, - но каждый раз, когда она пытается говорить, особенно в магазинах, люди смеются над ней.

- Пройдите вперед, Нелли. Пустите двери. Когда вы узнали, что мадам Наур должна уехать в Амстердам в пятницу вечером?

- Уан уик... Одна неделя.

- Смотрите на меня, а не на нее.

Она неохотно повернулась, не решаясь прямо посмотреть на комиссара.

- Когда вы упаковали чемодан?

Чувствовалось, что она пытается мысленно перевести свой ответ.

- Восемь часов...

- Почему вы солгали, когда я допрашивал вас вчера?

- Я не знаю... Я боялась...

- Чего?

- Я не знаю.

- Вы боялись кого-то в доме?

Она отрицательно потрясла головой, и чепчик съехал ей на лоб.

- Вы видели мадам Наур около десяти часов? Где?

- В комнате.

- Кто отнес чемодан вниз?

- Я.

- Куда направилась ваша хозяйка?

- В комнату мужа.

- Потом вы услышали выстрел?

- Да.

- Один или два выстрела?

Она вновь посмотрела на Лину и ответила:

- Один.

- Вы не спустились вниз?

- Нет.

- Почему?

Она пожала плечами, как будто не знала, почему не спустилась вниз.

Это не одна женщина копировала другую, а каждая из них переняла черты второй, так что теперь горничная была как бы смутной копией Лины.

- Вы не слышали, как Уэни поднялся к себе?

- Нет.

- Вы заснули сразу же?

- Да.

- Вы не попытались узнать, кто был ранен или убит?

- Посмотрела окно мадам. Услышала, как хлопнула дверь и увидела мадам и автомобиль...

- Благодарю вас. Надеюсь, завтра вы не перемените своих показаний и не расскажете мне третью версию...

Видимо, фраза была для нее слишком длинной и трудной, и мадам Наур перевела ее на голландский язык, после чего девушка залилась краской и поспешила исчезнуть.

- То, что я только что сказал, мадам, относится и к вам. Мне не хотелось сегодня заниматься официальным допросом. Завтра я позвоню, чтобы назначить встречу. Я приду сам, или один из моих инспекторов явится сюда и запишет ваши показания.

- Есть третий свидетель, - заявила она ему.

- Да, Алваредо, я знаю. Мы навестим его, как только выйдем отсюда. Я не доверяю телефону, и в этих комнатах останется инспектор Люка до тех пор, пока я не разрешу воспользоваться этим аппаратом.

Она не протестовала.

- Могу ли я попросить принести что-нибудь поесть? Моя подруга Анна всегда голодна. Она настоящая голландка. Что касается меня, то я прилягу.

- Вы позволите мне на минутку зайти в вашу комнату?

Там был беспорядок: одежда брошенная второпях на кровать, обувь, разбросанная по ковру. Телефонный аппарат был подключен в розетку, как электрический прибор, и Мегрэ отключил его, принес в гостиную, затем сделал то же самое с телефоном, который находился в комнате Нелли.

Та раскладывала белье по полкам и взглянула на него с обидой, словно сердясь за то, что он ее выбранил.

- Прошу извинить меня за эти меры предосторожности, - сказал Мегрэ на прощание двум молодым женщинам. Лина ответила ему с улыбкой:

- Это же ваш долг, не так ли?

Портье свистком подозвал для комиссара такси. Сквозь облака теперь проглядывало слабое солнце, и было видно, как в Люксембургском саду катались по льду дети. Двое или трое даже принесли с собой санки.

Он заметил бистро, где его должен был ждать Жанвье, и действительно увидел инспектора, сидевшего возле заиндевевшего окна, которое изредка протирали рукой.

- Кружку пива, - заказал комиссар усталым голосом. Этот допрос довел его до изнеможения, и после душной гостиной он все еще оставался потным.

- Он не выходил?

- Нет. Думаю, Алваредо пообедал в самолете. Должно быть, он ждет телефонного звонка.

- Ему придется потерпеть.

Мегрэ мог бы, как и его коллега из Амстердама, дать указание поставить телефон на прослушивание, но то ли потому, что принадлежал к старой школе, а может быть, благодаря воспитанию ему претило прибегать к такому способу, за тем редким исключением, когда речь шла об опасных преступниках.

- Люка остался в "Отель де Лувр". Ты пойдешь со мной к этому человеку, с которым я пока не знаком. Кстати, как он выглядит?

Пиво освежило его и помогло немного прийти в себя. Приятно было сидеть за стойкой, видеть опилки на полу, официанта в голубом переднике.

- Очень красивый мужчина, небрежно элегантен, немного высокомерен на вид...

- Он не пытался выяснить, следят ли за ним?

- Нет, насколько мне известно.

- Пойдем.

Они прошли через бульвар, вошли в роскошный подъезд и зашли в лифт.

- Четвертый этаж, - сказал Жанвье, - я справлялся. Уже три года как он занимает эту квартиру.

На двери не было ни таблички, ни визитной карточки жильца. Мегрэ позвонил, и через несколько мгновений дверь открылась. Молодой человек, черноволосый, высокого роста, произнес с изысканной вежливостью:

- Входите господина... Я ждал вас... Комиссар Мегрэ, не так ли?

Он не протянул руки, провел их в светлую гостиную с современной мебелью и картинами, окно которой выходило на бульвар.

- Вы не хотите снять пальто?

- Один вопрос, господин Алваредо. Вчера в Амстердаме мадам Наур позвонила вам, чтобы сообщить о смерти мужа. Потом звонила вам после обеда, чтобы сказать, каким рейсом вылетают они с подружкой. Вы покинули Амстердам сегодня утром, а вчерашние голландские газеты еще не могли рассказать об этом деле.

Алваредо небрежно направился к дивану и уселся, взяв лежавшую там вчерашнюю парижскую газету.

- На третьей странице есть даже ваш портрет, - сказал он насмешливо.

Оба полицейских сняли пальто.

- Что будете пить?

На низеньком столике был целый набор алкогольных напитков, аперитивов и несколько бокалов. Один из них, стоящий в стороне, был наполнен какой-то янтарного цвета жидкостью.

- Послушайте, господин Алваредо. Прежде чем задавать вам вопросы, я должен сказать, что в этом деле мы постоянно сталкиваемся с лицами, которые слишком вольно обращаются с правдой.

- Вы говорите о Лине?

- О ней и о других. Вы не скажете, когда в последний раз вы были в доме Науров?

- Позвольте, господин комиссар, заметить, что ваша ловушка, извините, довольно примитивна. Вам должно быть известно, что я никогда не бывал в этом доме: ни вечером в пятницу, ни прежде.

- Как вы думаете, знал ли Наур о вашей связи с его женой?

- Не знаю, я видел его всего два или три раза, да и то издали, за игорным столом.

- Вы знакомы с Уэни?

- Лина рассказывала мне о нем, но я никогда с ним не встречался.

- Однако в пятницу вечером вы не скрывались и ждали мадам Наур напротив садовой решетки, сидя в машине, которая бросалась в глаза.

- У нас больше не было необходимости прятаться, ведь мы приняли решение, и Лина должна была сообщить о нем мужу.

- Вас не беспокоил исход этого разговора?

- А почему я должен был тревожиться? Лина решила уехать, и Наур не мог ее удержать силой. - Он добавил с некоторым вызовом:

- Мы не на Ближнем Востоке.

- Вы слышали выстрел?

- Я услышал какой-то приглушенный звук, но не понял, что это такое.

Мгновение спустя открылась дверь, и Лина, с трудом неся чемодан, бросилась к машине. Я тут же открыл ей дверцу. И только после того, как машина тронулась, она мне все рассказала...

- Вы знали доктора Пардона?

- Я никогда о нем не слышал. Это Лина дала мне его адрес.

- Тогда вы по-прежнему рассчитывали добраться до Амстердама на машине?

- Я не знал, насколько серьезна рана... Она сильно кровоточила. Это тревожило меня...

- Что не помешало вам солгать врачу.

- Я считал более разумным не говорить правды.

- А затем бесшумно покинуть кабинет...

- Чтобы он не смог записать, кто мы такие...

- Вы знали, что Наур хранил оружие в ящике письменного стола? - Лина не говорила мне об этом.

- Она боялась мужа?

- Это был не тот человек, которого следовало бояться.

- А Уэни?

- Она слишком мало рассказывала мне о нем.

- Тем не менее, он играл довольно важную роль в доме.

- По отношению к своему хозяину - может быть, но у него не было ничего общего с Линой.

- Вы в этом уверены?

Внезапно щеки и уши Алваредо залились краской, и он гневно процедил сквозь зубы:

- Что вы хотите этим сказать?

- Я ни на что не намекаю, но Уэни, имея влияние на На-ура, мог бы косвенным образом влиять и на судьбу его жены.

Молодой человек взял себя в руки, смущенный тем, что дал волю чувствам.

- В вас слишком много страсти, господин Алваредо.

- Я люблю ее, - бросил тот в ответ.

- Скажите, вы давно в Париже?

- Три с половиной года.

- Вы студент?

- Я изучал право в Боготе. Затем приехал учиться сюда. Еще я работаю у мэтра Пюже, который преподает международное право на бульваре Распай, в двух шагах отсюда.

- Ваши родители богаты? Он ответил смущенно:

- Для Боготы - да.

- Вы единственный ребенок в семье?

- У меня есть младший брат, который живет в Беркли, в США.
 - Ваши родители, как и большинство колумбийцев, католики, если не ошибаюсь?
 - Моя мать набожна.
 - Вы собираетесь увезти мадам Наур в Боготу?
 - Я так решил.
 - У вас не возникнут разногласия с семьей, когда выяснится, что вы хотите жениться на разведенной женщине?
 - Я совершеннолетний.
 - Вы позволите мне воспользоваться телефоном? Мегрэ позвонил в "Отель де Лувр".
 - Люка?.. Ты можешь оставить их одних... Не уходи из отеля. Я дам указание сменить тебя к концу дня... Алваредо усмехнулся:
 - Вы оставили своего человека в комнате Лины, чтобы помешать ей позвонить мне по телефону, не правда ли?
 - Сожалею, что был вынужден принять эти меры предосторожности.
 - Очевидно, ваш инспектор будет следить и за мной?
 - Естественно.
 - Я могу встретиться с ней?
 - У меня нет никаких возражений.
 - Как она себя чувствует после поездки?
 - Не так уж плохо, если ничуть не потеряла хладнокровия и сообразительности.
 - Она ребенок.
 - Очень хитрое дитя.
 - Вы действительно ничего не хотите выпить?
 - Нет, спасибо.
 - Это значит, что вы еще рассматриваете меня как подозреваемого?
 - Моя профессия - каждого считать подозреваемым. На улице комиссар глубоко вздохнул:
 - Ну вот!
 - Вы думаете, шеф, он лгал?
- Не отвечая на этот вопрос, Мегрэ продолжал говорить:
- Садись в машину. Вот увидишь, скоро эта красная "аль-фа-ромео" устремится к улице Риволи. Держи ребят на набережной в курсе дела, потом тебя сменят...
 - А вы?
 - Я возвращаюсь на Парк-Монсури. Нужно, чтобы завтра все допросы были оформлены официально.
- Засунув руки в карманы, он направился к стоянке такси на углу бульвара Сен-Мишель, проклиная вязаный шарф, который душил и щекотал его.
- С улицы казалось, что дом Науров пуст. Комиссар попросил шофера подождать, пересек по хрустящему снегу садик и нажал на кнопку дверного звонка.
- Дверь открыл заспанный Торранс.
- Ничего нового?
 - Приехал Наур-старший. Он сейчас в гостиной с господином Пьером.
 - Как он выглядит?

- На вид лет семьдесят пять, седые жесткие волосы, морщинистое лицо, но тем не менее полон энергии.

Дверь гостиной приоткрылась, и, увидев Мегрэ, Пьер Наур спросил:

- Я вам нужен, господин комиссар?

- Я хотел бы поговорить с Уэни.

- Он там, наверху.

- Ваш отец с ним виделся?

- Пока нет. Хотя, может быть, он и захочет задать ему некоторые вопросы.

Мегрэ повесил пальто, шарф на вешалку и пошел вверх по лестнице. В коридоре было темно. Он направился к комнате Уэни, постучал в дверь и услышал ответ по-арабски.

Войдя в комнату, он увидел секретаря, сидевшего в кресле. Тот ничем не был занят и посмотрел на Мегрэ пустым равнодушным взглядом.

- Проходите... что они вам рассказали?..

VI

Это была самая простая и неприметная комната в доме. Наверное, у художника, сдавшего его Наурам, был молодой сын, потому что помещение, которое занимал Уэни, выглядело, как комната студента. Секретарь, должно быть, ничего в ней не менял, и, казалось, тут не было ни единой вещи, принадлежавшей нынешнему жильцу.

Уэни, который сидел, расслабившись, в кожаном кресле, вытянув перед собой ноги, был одет в такой же строгий, как и накануне, превосходного покроя костюм. Гладко выбритый, в белой рубашке, он рассматривал свои ухоженные ногти.

Словно не замечая вызывающего вида секретаря, Мегрэ остановился перед ним и посмотрел ему прямо в глаза, как бы оценивая, и казалось, что оба они заняты детской игрой, в которой проигрывает тот, кто моргнет первым.

- Вы не очень-то стремитесь к сотрудничеству, господин Уэни.

На лице секретаря ничего нельзя было прочесть. Похоже, ему нравилось дразнить Мегрэ самоуверенной и иронической улыбкой.

- Лина...

Уэни сразу же заметил эту фамильярность.

- Кто, простите?

- Мадам Наур, если вам угодно, не вполне согласна с вашим утверждением о том, как вы провели время в пятницу вечером. Она заявляет, что, когда около полуночи вошла в гостиную, там были вы и господин Наур. По ее словам, вы стояли возле хозяина, а сам он сидел за письменным столом.

Мегрэ ждал ответа, но Уэни молчал, продолжая улыбаться.

- Ее показания противоречат моим, вы это хотите сказать? - наконец произнес он.

Во время этой беседы он говорил подчеркнуто медленно, выделяя каждый слог.

- Вы это отрицаете?

- Вчера я уже ответил на ваши вопросы..

- Но это не означает, что вы сказали правду.

Пальцы секретаря сжались на подлокотниках кресла, он смог взять себя в руки и ничего не сказал в ответ на слова, в сущности оскорблявшие его.

Комиссар подошел к окну, долго стоял перед ним, а затем, заложив руки за спину, с трубкой во рту, принялся расхаживать по комнате.

- Вы настаиваете, что вышли в начале второго ночи из бара "Липы". Это подтверждает и его хозяин... Но он не видел, когда вы пришли... Пока нет доказательств, что это не произошло после полуночи и что вы не заходили на несколько минут в бар только для того, чтобы создать алиби...

- Вы опросили всех членов клуба, которые были в ту ночь в двух игорных залах?

- Вы прекрасно понимаете, что этого мы еще не успели сделать, а сегодня, в воскресенье, клуб и бар закрыты.

- На это у вас еще будет время. У меня тоже.

Может быть, он вел себя таким образом потому, что хотел вывести Мегрэ из равновесия? Уэни был хладнокровен, как шахматный игрок, и его трудно было поймать на какой-нибудь ошибке.

Вновь остановившись перед ним, комиссар спросил как бы между прочим:

- Вы не были женаты, господин Уэни? Секретарь ответил каким-то изречением или известной в стране поговоркой:

- Тот, кому мало одной ночи, проведенной с женщиной, - сам себе накидывает на шею веревку.

- Вы имеете в виду господина Наура?

- Его личная жизнь меня не касается.

- У вас есть любовницы?

- Я не гомосексуалист, если это вас интересует. На этот раз презрение еще более ясно звучало в его голосе.

- Я полагаю, это означает, что у вас бывают определенные отношения с женщинами?

- Если французская полиция настолько любопытна, я могу сообщить имена и адреса.

- Вы не ходили к женщине в пятницу вечером?

- Нет. Я уже ответил на этот вопрос.

Мегрэ повернулся к окну, задумчиво посмотрел на авеню Парк-Монсури, покрытую снегом, и заметил несколько человек, которые прогуливались невзирая на холод.

- У вас есть оружие, господин Уэни?

Тот медленно, как бы нехотя, поднялся с кресла, открыл один из ящиков комода и вынул оттуда длинноствольный пистолет для спортивной стрельбы.

Это оружие не помещалось в кармане и служило, видимо, для тренировок.

Его ствол был по меньшей мере двадцати сантиметров в длину, а калибр не соответствовал калибру пули, извлеченной из черепа Наура.

- Вы удовлетворены?

- Нет.

- Вы не задавали тот же самый вопрос господину Алваредо?

Теперь Мегрэ, в свою очередь, ничего не ответил. Этот допрос протекал в каком-то замедленном темпе, он был похож на шахматную партию, в которой каждый участник тщательно готовил хитрые ловушки.

Лицо комиссара сделалось серьезным. Он глубоко затянулся, в трубке потрескивал табак. Оба молчали.

- Вам известно, что мадам Наур два года пыталась добиться развода?

- Я вам говорил, что эти вопросы меня не интересуют - Однако вполне возможно, что господин Наур, учитывая ваши с ним близкие отношения, говорил об этом?

- Это утверждаете вы?

- Я ничего не утверждаю. Я спрашиваю, а вы не отвечаете.

- Я отвечаю лишь на вопросы, которые касаются меня.

- Знали ли вы о том, что мадам Наур примерно неделю назад решила уехать в Амстердам, что означало бы ее окончательный разрыв с мужем?

- Меня это тоже не интересует.

- Вы по-прежнему утверждаете, что вас не было в гостиной во время драмы?

Фуад пожал плечами, считая вопрос излишним.

- Вы знали Наура около двадцати лет. В течение этого времени вы практически с ним не расставались. Он стал профессиональным игроком, который, как это принято говорить, играл по-научному, и вы помогали ему в математических расчетах.

Уэни, который, казалось, не слушал комиссара, вновь опустился в кресло. Мегрэ, взяв стул за спинку, уселся на него верхом в метре от собеседника.

- Вы приехали в Париж: без всяких средств, не так ли? Сколько Наур вам платил?

- Я никогда не получая от него жалованья.

- И тем не менее деньги вам были нужны.

- Когда это случилось, он мне их давал.

- Был ли у вас счет в банке?

- Нет.

- Сколько он вам давал каждый раз?

- Сколько я у него просил.

- Крупные суммы? У вас были сбережения?

- У меня никогда ничего не было, кроме одежды.

- Вы такой же хороший игрок, как ваш хозяин, господин Уэни?

- Не мне судить об этом.

- Он никогда не просил вас заменять себя у игорного стола?

- Случалось.

- Вы выигрывали?

- Как когда.

- Вы оставляли себе проценты с выигрыша?

- Нет - А вам не приходило в голову заключить между собой какой-нибудь договор? Например, он мог бы отдавать вам проценты с выигранных сумм.

Уэни лишь отрицательно покачал головой.

- Итак, вы не были ни компаньоном, ни другом, поскольку полностью от него зависели. Можно утверждать, что ваши отношения были отношениями хозяина и слуги. Вы не боялись, что после его женитьбы эти отношения могут стать менее близкими?

- Нет.

- Разве Наур не любил свою жену?

- Нужно было бы задать этот вопрос ему.

- Ну теперь-то это уже поздно. Когда вам стало известно, что у мадам Наур есть любовник?

- А почему вообще я должен был знать об этом? Если он хотел разозлить Мегрэ, то ошибался, ибо комиссар прекрасно владел собой.

- Вы не можете не знать, что два года назад отношения между супругами, и так не идеальные, ухудшились. Вам было известно, что мадам Наур настойчиво требовала развода. Поручал ли вам хозяин следить за ней и сообщать о встречах с Алваредо?

На лице Уэни появилась еще более презрительная улыбка.

- Он сам однажды встретил их, выходя из ресторана на Пале-Рояль. Они не скрывались.

- Он был взбешен?

- Я никогда не видел его взбешенным.

- Однако, хотя между ними уже и не было супружеских отношений, он заставлял ее жить в своем доме, зная, что она любит другого. Не было ли это своего рода мстью?

- Может быть.

- Не потому ли, сделав это открытие, он заставил ее расстаться с детьми, отослав их на юг?

- Я не способен, как вы, читать мысли людей, мертвых или живых.

- Я убежден, господин Уэни, что мадам Наур не лжет, когда заявляет, что вы находились в пятницу вечером в обществе ее мужа. Я даже склонен думать, что вы знали о поездке, которую она намеревалась совершить.

- Думайте, что вам угодно.

- Муж ее ненавидел?

- А может быть, она его ненавидела?

- Допустим, они ненавидели друг друга. Она решила во что бы то ни стало добиться свободы...

- Вот именно, во что бы то ни стало...

- Не обвиняете ли вы мадам Наур в том, что она убила своего мужа?

- Нет.

- Это обвинение относится к вам?

- Нет.

- Ну тогда к кому же?

С нарочитой медлительностью Уэни произнес:

- Лишь один человек был заинтересован в этом.

- Алваредо?

- Где он находился?

- В машине, стоявшей у дома. Теперь, похоже, Уэни вел допрос.

- Вы верите в это?

- До тех пор, пока у меня не будет таких показаний.

- Это очень пылкий молодой человек, не правда ли?

- Вероятно.

- И очень страстный? Разве вы не говорили, что вот уже два года он любовник мадам Наур? Его родители могут не принять разведенную женщину с двумя детьми. Если он идет на такое, разве это не доказывает его великую любовь?

Внезапно глаза секретаря стали жесткими, а на губах появилась язвительная усмешка.

- Ему было известно, - продолжал Уэни, по-прежнему неподвижно сидящий в кресле, - что в тот вечер должна была наступить развязка. Вы с этим согласны?

- Да.

- Скажите, господин Мегрэ, находясь на его месте и испытывая его чувства, позволили бы вы своей возлюбленной встретиться с упрямым-мужем? Вы на самом деле верите в то, что он почти час ожидал на улице, нимало не тревожась тем, что происходит в доме?

- Вы видели его?

- Не пытайтесь поймать меня таким примитивным путем. Я ничего не видел, поскольку меня там не было. Я лишь показываю вам, что присутствие этого человека в гостиной куда более оправдано, чем мое.

Мегрэ поднялся со спокойным видом, словно добившись того, чего он желал.

- В комнате находились как минимум два человека, - произнес комиссар непринужденно. - Наур и его жена. Из этого следует, что мадам Наур должна была быть вооружена крупнокалиберным пистолетом, который нелегко спрятать в дамской сумочке. Науру стоило бы выстрелить первым, и уж потом она сразила его наповал.

- Не обязательно. Она могла выстрелить первой, а муж держал в руках оружие для самозащиты, и не исключено, что Он, падая на пол, машинально нажал курок - отсюда и неточность его выстрела.

- Теперь неважно, кто стрелял первым. Предположим, что вы при этом присутствовали. Мадам Наур вытаскивает пистолет из сумочки и, защищая своего хозяина, вы стреляете в ее сторону, воспользовавшись тем, что рядом с вами ящик стола, в котором пистолет калибра шесть тридцать пять.

- Вы хотите сказать, что после этого она выстрелила сама, но не в меня, потому что у меня в руках оружие, а в своего мужа?

- Я думаю, у вас были причины ненавидеть Феликса На-ура.

- Почему это?

- Вот уже двадцать лет вы живете у него на положении бедного родственника, хотя между вами и нет реального родства. Вы не имеете никаких прав, а между тем на вас взваливают всякие дела вплоть до яиц всмятку по утрам. Вам не платят и вместо этого суют мелкие суммы на карманные расходы, да и то лишь тогда, когда вы попросите.

Я не знаю, имеет ли для вас значение то, что вы с хозяином разного происхождения. Как бы то ни было, ваше положение унижительно, а ведь ничто так не возбуждает ненависть, как унижение.

Вам представляется удачный случай отомстить. Наур стреляет в жену в тот момент, когда она направляется к двери, чтобы уйти уже навсегда.

Тогда вы стреляете тоже, но не в нее, а в него, хорошо зная, что подозрение падет на Лину или на ее любовника, после чего вам остается лишь обеспечить себе алиби в клубе на Сен-Мишель.

У нас есть возможность, господин Уэни, в течение часа установить, так ли все было на самом деле. Я сейчас позвоню Моэрсу, специалисту из нашей лаборатории. Он привезет все необходимое для проведения исследования с помощью парафина. Руки покойного Наура уже подвергались такого рода экспертизе, а теперь мы установим, пользовались ли огнестрельным оружием вы.

Секретарь по-прежнему был спокоен и только иронически улыбался.

Мегрэ направился к телефону, но Уэни остановил его - Не стоит этого делать.

- Вы решили признаться?

- Ведь вам, как, впрочем, и мне, господин Мегрэ, хорошо известно, что частицы пороха после стрельбы остаются на коже до пяти дней.

- У вас обширные познания в таких делах.

- В четверг я был в тире, расположенном в подвале оружейного магазина на улице Ренн, принадлежащего Бутело и сыну, я там часто бываю.

- С этим пистолетом?

- Нет. У меня есть второй, точно такой же, я храню его в тире, как и все всегда. Поэтому вы сможете обнаружить частички пороха на моей правой руке.

- Зачем вы ходите тренироваться в тир? Мегрэ явно был раздосадован.

- Люди моего племени круглый год живут как бы на военном положении.

Мы считаем себя лучшими стрелками в мире. Мальчики с десяти лет хорошо владеют оружием.

Мегрэ медленно поднял голову.

- А если при экспертизе мы не обнаружим порох ни на руке Алваредо, ни у мадам Наур?

- Алваредо пришел с улицы, в тот день температура опустилась до минус двенадцати градусов. Вполне можно предположить, что у него на руках были перчатки, причем очень плотные. Разве не так?

Уэни далее принял оскорбленный вид.

- Извините, что мне приходится заниматься вашей работой. Напомню, что мадам Наур собиралась уехать. Я полагаю, она была в шубе и, вероятно, в перчатках.

- Вы говорите мне это, чтобы отвести от себя подозрения?

- Я думал, мне придется защищаться лишь тогда, когда судебный следователь предъявит свои обвинения.

- Прошу вас завтра к десяти часам быть на набережной Орфевр для официального допроса. Возможно, судебный следователь, о котором вы сейчас говорили, также в свою очередь захочет допросить вас.

- А до тех пор?

- Прошу не покидать этого дома. Здесь останется один из моих инспекторов.

- Я очень терпелив, господин Мегрэ.

- Я тоже, господин Уэни.

Между тем у Мегрэ, когда он выходил из комнаты, горело лицо, хотя, может быть, и из-за жары. В коридоре он дружески помахал Торрансу, который сидел на жестком стуле и листал какой-то журнал, а затем постучал в дверь гостиной.

- Входите, господин Мегрэ.

Навстречу ему поднялись двое мужчин. Старший, куривший сигару, шагнул вперед и протянул комиссару свою сухую крепкую руку.

- Я предпочел бы познакомиться с вами при иных обстоятельствах, господин Мегрэ.

- Позвольте выразить вам соболезнование. Я не хотел уходить отсюда, не сказав вам, что мы в уголовной полиции и прокуратуре делаем все возможное, чтобы как можно скорее обнаружить убийцу вашего сына.

- У вас есть какие-нибудь предположения?

- Пока рано говорить об окончательных выводах, но роль каждого из причастных к делу начинает вырисовываться.

- Вы считаете, Феликс действительно стрелял в эту женщину?

- Думаю, это бесспорно: он мог или сознательно спустить курок, или же это произошло непроизвольно, в момент, когда в него попала пуля.

Отец и сын удивленно переглянулись.

- Вы полагаете, что женщина, от которой он столько натерпелся, могла в конце концов...

- Пока я не вправе предъявлять обвинения. До свидания, господа.

- Мне оставаться здесь? - спросил его Торранс, когда Мегрэ вышел в коридор.

- Уэни не должен куда выходить. Прошу тебя находиться на втором этаже и сообщать мне обо всех его телефонных разговорах. Я еще не знаю, кто тебя сменит.

Шофер такси проворчал:

- Я думал, вы задержитесь в доме всего на несколько минут.

- В "Отель де Лувр".

- Знал бы, не стал вас дожидаться. Я начал работу в одиннадцать часов и до сих пор не мог даже перекусить.

Уже начинало темнеть. Должно быть, ожидая комиссара, шофер несколько раз прогрел двигатель, в машине было тепло.

Мегрэ, устроившись на заднем сиденье, задумчиво рассматривал темные, дрожащие от холода фигуры прохожих, скользивших вдоль домов.

Люка сидел в холле в огромном кресле и дремал, сложив руки на животе.

Через полуопущенные ресницы он заметил направляющегося к нему комиссара.

Инспектор вскочил и спросил, протирая глаза:

- Все в порядке, шеф?

- Да... Нет... Алваредо приехал?

- Пока еще нет... Из наших дам никто из отеля не выходил. Только Кехель спускалась вниз за газетами... Мегрэ, поколебавшись, произнес:

- Ты не хочешь пропустить стаканчик?

- Минут пятнадцать назад я выпил кружку пива...

Оставив в гардеробе пальто, Мегрэ вошел в бар и уселся на высоком табурете у стойки. Посетителей почти не было, по радио передавали репортаж с футбольного матча.

- Виски, - сказал комиссар.

Чтобы выполнить то, что он задумал, комиссару требовалось выпить чего-нибудь покрепче. Где же Мегрэ слышал это изречение: бить всегда в слабую точку?

Он думал об этом, когда ехал в такси. Правду о деле На-ура, пусть даже еще и частичную, знали только четыре человека. Комиссар допросил всех четверых, а некоторых даже дважды. И все хоть раз, но солгали.

Кто из четверых мог оказаться той пресловутой слабой точкой?

- Поначалу ему казалось, что это могла быть Нелли Фелтхеис. Комиссар понимал, что наивность ее не наигранна, она не осознавала всех последствий своей лжи и могла наболтать все что угодно.

Алваредо в общем-то вызвал у него симпатию. Его любовь к Лине казалась искренней и восторженной, так что скорее всего он будет молчать о том, что может повредить молодой женщине.

Мегрэ только что расстался с Уэни, который умело обходил все словесные ловушки комиссара.

Оставалась Лина. О ней у Мегрэ не было определенного мнения. На первый взгляд, она казалась затерявшимся в мире взрослых ребенком.

Скромная машинистка из Амстердама, соблазнившись более престижной профессией манекенщицы, решила выставить свою кандидатуру на конкурс красоты. И произошло чудо. Уже на следующий день девушка очутилась в совершенно ином мире.

Какой-то богач, каждую ночь игравший по-крупному, которому низко кланялся весь персонал казино, присылает ей цветы, приглашает отобедать с ним в одном из лучших ресторанов.

Он увозит ее в Биарриц, по-прежнему робко обращаясь с ней, пока однажды ночью не отваживается проникнуть в ее спальню, после чего предлагает выйти за него замуж.

Могла ли она понять психологию какого-то Наура? И уж тем более какого-то Фуада Уэни, без видимой причины постоянно их сопровождавшего?

Когда же она захотела иметь возле себя горничную-голландку, это выглядело словно призыв о помощи, и мадам На-ур выбрала - уж не по фотографии ли? - самую простодушную и веселую на вид девушку.

Теперь у нее были платья, драгоценности и меха, но ее таскали в Довиль, Канны и Эвьян, совершенно не считаясь с ее желанием. Она оставалась одинокой, лишь изредка удирая в Амстердам, чтобы излить душу Анне Кехель, как в те добрые времена, когда подруги жили в одной квартире на Ломан-страат.

Появился ребенок. Была ли она готова к этому? Может быть, Наур опасался, "что она не выдержит всех трудностей материнства, и поэтому нанял ребенку воспитательницу?"

Тогда ли у нее начали появляться любовники?

Шли годы, она по-прежнему была молодой, с гладкой и светлой кожей. А что происходило у нее в душе? Поняла ли она что-нибудь?

Появление второго ребенка, сына, принесло счастье только ее мужу.

Ей встретился Алваредо... И внезапно жизнь предстала в ином свете...

Мегрэ почти был готов пожалеть ее, но тут же спросил себя: а не эта ли маленькая девочка с невинными глазами сама заварила всю кашу? И затем, начиная с пятницы, вела себя с поразительным хладнокровием.

Он чуть было не решил выпить еще рюмку виски, но передумал и через несколько минут уже поднимался в лифте на четвертый этаж. Дверь открыла Нелли.

- Мадам Наур спит?

- Нет. Пьет чай.

- Скажите ей, пожалуйста, что я хочу ее видеть.

Она сидела в постели в ночной кофточке из белого шелка и листала американский иллюстрированный журнал. На столике стоял поднос. В чашках оставался недопитый чай, на тарелочках лежали куски кекса. Анна Кехель, по-видимому, вставшая с постели за минуту до прихода комиссара, приглаживала волосы, пытаясь привести себя в порядок.

- Я хотел бы поговорить с вами наедине, мадам Наур.

- А Анна разве не может остаться? Я никогда ничего от нее не скрывала и...

- Допустим, что ее присутствие стеснило бы меня Мегрэ действительно так думал. Когда дверь за подругой закрылась, он принес стул, поставил его между кроватями и тяжело уселся.

- Вы видели Висенте? Он переживает за меня?

- Я успокоил его, сказав, что вы хорошо себя чувствуете, впрочем, вы сами сообщили ему это по телефону. Вы ведь его ждете?

- Через полчаса. Мы договорились встретиться в половине шестого, мне хотелось поспать подольше. Как он вам?

- Похоже, он очень влюблен в вас. Кстати, о нем и мой первый вопрос, мадам Наур. Я понимаю, вы пошли на все, чтобы не замешивать его в это дело. Ведь тогда ваши отношения с родственниками Алваредо осложнятся. Я тоже постараюсь, чтобы его имя оставалось в тени. Одно лишь мне непонятно. Вы заявили, что он оставался в машине, пока вы были в доме, то есть почти

час. Он знал о вашем решении. Ему было известно, что муж не хочет и слышать о разводе. Значит, он понимал, что объяснение будет бурным. Как он мог при таких обстоятельствах оставить вас одну?

В то время, когда комиссар говорил это, Лина кусала губы.

- Но все было так, как я сказала, - смогла лишь произнести она.

- А вот Уэни говорит другое.

- Что же он вам сказал?

- Что Алваредо вошел в кабинет вместе с вами, и еще добавил, что ваш спутник был в зимних перчатках. Уэни заявляет также, что после того, как выстрелил ваш муж, Алваредо вынул пистолет из кармана и выстрелил тоже.

- Уэни лжет.

- Думаю, вначале между вами и мужем произошел довольно резкий разговор. Алваредо же в это время стоял за дверью. Когда Наур понял, что ваше решение бесповоротно, он начал вам угрожать, а затем схватил пистолет, лежавший в ящике стола. Ваш друг, считая, что ваш муж сейчас выстрелит, защищая вас, сделал это первым. Наур же успел нажать на спуск, уже будучи раненым.

- Все было не так.

- А как?

- Я вам уже рассказывала. Вначале Висенте остался в машине, я просила его об этом и даже пригрозила, что не поеду с ним, если он попытается войти в дом.

- Ваш муж сидел за столом?

- Да.

- А Уэни?

- Стоял справа от него.

- То есть находился перед ящиком, где лежал пистолет.

- Наверное...

- Наверное или точно?

- Я в этом не уверена.

- Уэни не собирался оставить вас вдвоем?

- Отошел в сторону, но остался в комнате.

- И где он стоял?

- Почти в центре комнаты.

- Это произошло перед началом вашего разговора с мужем?

- После.

- Вы говорили, что Уэни вам не нравится. Почему же вы не попросили мужа, чтобы он приказал секретарю покинуть кабинет?

- Феликс бы отказался. Откровенно говоря, мне тогда это было безразлично.

- С чего вы начали разговор?

- Я сказала: "Феликс! Я приняла твердое решение и ухожу от тебя..."

- Вы говорили по-французски?

- Нет, по-английски. Я его знаю с детства, а французский выучила значительно позже.

- Какова была реакция мужа?

- Он спросил: "С любовником? Это он ждет в машине?"

- Как в тот момент выглядел Наур?

- Был бледен, его взгляд стал жестким. Феликс медленно поднялся и, наверное, именно в этот момент приоткрыл ящик стола, но я тогда не придавала этому значения. Добавила лишь, что не сержусь на него, что благодарна за все, что он для меня сделал, что вопрос о детях мы решим позже, и мой адвокат свяжется с ним...

- Где стоял Уэни?

- Я не обращала на него внимания. Он был где-то рядом. Он всегда передвигался бесшумно.

- И тогда ваш муж выстрелил?

- Нет. Еще нет. Сначала он повторил то, что уже часто говорил мне: он никогда не согласится на развод. Я ответила, что ему придется на это пойти. И только тогда до меня дошло, что у него в руках пистолет...

- А потом?

Мегрэ чуть наклонился к ней, словно пытался помешать ей солгать во второй раз.

- Оба... - она запнулась и поправила себя. - Раздался выстрел.

- Нет. Вы хотели сказать, что раздались оба выстрела. Я убежден, что Алваредо был в кабинете, но стрелял не он.

- Вы думаете, что я?

- И не вы. Оружие в руках Уэни появилось до или после того, как выстрелил ваш муж?

- Пока я находилась в доме, стреляли только один раз, и Нелли может это подтвердить.

- Нелли лжет почти так же хорошо, как и вы, милочка.

На этот раз в голосе Мегрэ звучала почти угроза. Для него игра закончилась. Поднявшись и поставив стул в угол гостиной, комиссар принялся широкими шагами мерить комнату. И теперь он совершенно не был похож на человека, минуту назад беседовавшего с Линой почти отеческим тоном.

- Если вы наконец не прекратите лгать, я сейчас же позвоню судебному следователю и потребую ордер на ваш арест.

- Зачем Уэни было стрелять в моего мужа?

- Потому что он любил вас.

- Он? Разве Фуад способен любить кого-то?

- Не стройте из себя ребенка, Лина. Когда Уэни стал вашим любовником?

Это случилось вскоре после вашей встречи с Науром?

- Уэни вам об этом сказал?

- Неважно. Отвечайте...

- Через несколько месяцев после свадьбы... Я не ожидала этого... Я вообще никогда не видела его с женщинами, мне казалось, что он их презирает...

- И тогда вы решили соблазнить его?

- Хорошо же вы обо мне думаете.

- Очень сожалею. Предположим, инициатива могла исходить от него. Ведь до женитьбы Наур в какой-то степени принадлежал Уэни, а из-за вас он почувствовал, что теряет его. Став вашим любовником, он тем самым как бы мстил за все свои, прошлые и будущие унижения.

Внезапно черты ее лица исказились, она заплакала, даже не пытаясь вытереть слезы, и при этом утратила всю свою красоту.

- Вы с мужем спали в разных комнатах, значит, Уэни было легко приходить к вам по ночам. На авеню Парк-Монсури...

- Там ничего не было...
- Она была близка к отчаянию, и чувствовалось, что Лина действительно страдает.
- Я клянусь вам в этом! Когда отношения с Алваредо стали серьезными...
- То есть?
- Когда я поняла, что люблю его, то с Фуадом у нас все кончилось.
- И он это воспринял спокойно?
- Он всячески, однажды даже силой, пытался заставить меня вернуться к нашим прежним отношениям...
- Когда это было?
- Примерно полтора года назад.
- Вы считаете, он продолжал вас любить?
- Да.
- Разве затеяв при Фуаде в тот вечер разговор с мужем, вы не бередали рану Уэни?
- Я об этом не думала.
- Когда он подошел к вам в самом начале разговора, возможно, он пытался защитить вас?
- Может быть. Да и потом, я не знаю, где он находился в тот момент.
- Оба выстрела прозвучали почти одновременно? Лина не ответила. Было видно, что она устала и уже не притворяется. Она съежилась под одеялом.
- Почему вы сразу же не сказали правду?
- О чем?
- О том, что Фуад выстрелил.
- Потому что я не хотела, чтобы Висенте узнал...
- Что именно?
- О моих отношениях с Фуадом. Мне было стыдно. Много лет назад в Каннах у меня было маленькое приключение, и я призналась в этом Висенте.
- Но не об отношениях же с Фуадом! Если я обвиню Уэни, он выдаст меня на суде, и наша свадьба с Алваредо никогда не состоится...
- Алваредо не удивился, увидев, что Уэни стреляет в вашего мужа?
- Они долго смотрели друг на друга. Взгляд Мегрэ понемногу теплел, а в голубых глазах Лины все больше проступали усталость и покорность судьбе.
- Он увлек меня на улицу, и в машине я сказала Висенте, что Фуад всегда ненавидел мужа... И она тихо добавила:
- Почему вы так жестоки со мной, господин Мегрэ?

VII

В понедельник, в одиннадцать утра, Мегрэ завершил допрос всех четверых свидетелей по этому делу.

Алваредо он задал вопросов двадцать, а Лапуэнт тщательно записал все сказанное колумбийцем. Однако на один из них, самый главный, молодой человек отвечать не спешил.

- Подумайте хорошенько, господин Алваредо. Я расспрашиваю вас, по-видимому, в последний раз, поскольку дело переходит к судебному следователю. Где вы были тогда - в машине или в доме?

- В доме. Прежде чем войти в кабинет мужа, Лина открыла мне наружную дверь.
- Наур был еще жив?
- Да.
- Кто, кроме него, был в комнате?
- Фуад Уэни.
- Где вы стояли?
- Возле двери.
- Наур не попросил вас удалиться?
- Он сделал вид, что не замечает меня.
- Где стоял Уэни, когда раздались выстрелы?
- Приблизительно в метре от Лины, в центре комнаты.
- Насколько далеко от Наура?
- Метрах в трех.
- Кто выстрелил первым?
- Я думаю, Уэни, но не уверен в этом: оба выстрела прогремели почти одновременно. Затем показания давала Анна Кехель, разговор с ней был недолгим. Нелли Фелтхеис он задал всего несколько вопросов, что немало ее удивило.
- Сколько выстрелов вы слышали?
- Я не знаю.
- А не могло произойти так, что два выстрела слились в один?
- Думаю, да.

Лину он заставил повторить большую часть того, что она рассказала накануне, но старательно обходил все вопросы, касавшиеся ее интимных отношений с Уэни.

Снег уже не шел. На улице становилось теплее, на тротуарах была грязь. В коридорах уголовной полиции гуляли сквозняки, но в кабинетах стояла жара.

Во всем здании царило какое-то возбуждение, и даже инспектора, не занимавшиеся уголовными делами, чувствовали, что происходит что-то важное.

Журналисты, среди которых был и вездесущий Макий, шатались в коридорах, бросаясь навстречу комиссару каждый раз, когда он появлялся в дверях кабинета.

- Подождите немного, ребята. Я еще не закончил.

Одна утренняя газета, бог весть каким образом, узнала о поездке Лины в Амстердам и о том, что ее сопровождал какой-то таинственный человек, которого окрестили "господином Икс". Это означало, что дело приобрело характер сенсации, и это вовсе не нравилось Мегрэ.

Ему оставалось лишь допросить Уэни.

В конце коридора Мегрэ шумно вздохнул и сказал:

- Ну что, Лапуэнт, пойдём?

Он еще на что-то надеялся. Открыв дверь кабинета, комиссар увидел, что Уэни сидит, удобно устроившись в единственном кресле, вытянув перед собой ноги.

Как и накануне, секретарь далее не привстал, не сделал ни малейшей попытки поздороваться с вошедшими, на которых лишь поочередно взглянул с полной горькой иронии усмешкой.

С лицейских времен Мегрэ помнил абзац из учебника, где говорилось о "мерзкой улыбке" Вольтера, но потом, увидев бюст великого человека, он не согласился с подобным утверждением. С тех пор комиссар повидал много людей, улыбающихся высокомерно, вызывающе, даже коварно. Но почему-то именно сейчас, впервые, он вспомнил слово "мерзкая", отметив улыбку на лице Уэни.

Комиссар опустился на стул. Белый деревянный стол был покрыт коричневой бумагой, на нем стояла пишущая машинка. Лапуэнт устроился рядом, положив перед собой блокнот - Ваши имя и фамилия?

- Фуад Уэни, родился в Такла, Ливан - Возраст?

- Пятьдесят один год.

Вынув из кармана удостоверение личности для иностранцев, он, не вставая с кресла, протянул его, и Лапуэнту пришлось подняться, чтобы взять документ - Мой возраст установлен французской полицией, - подчеркнул он.

- Ваша профессия?

- Юридический советник. - Он произнес эти два слова почти с насмешкой. - Опять же по утверждению вашей полиции... Прочтите сами.

- Находились ли вы в пятницу, 14 января, в период с одиннадцати вечера до часа ночи в кабинете вашего хозяина господина Наура, в доме на авеню Парк-Монсури?

- Нет. Кстати, прошу отметить, что господин Наур не был моим хозяином, поскольку я не получал жалованья.

- В качестве кого же вы повсюду жили с ним все это время?

- В качестве друга.

- Разве вы не были его секретарем?

- Я помогал ему, когда он нуждался в моих советах...

- Где вы находились в пятницу после одиннадцати часов?

- В клубе на Сен-Мишель, членом которого я являюсь.

- Не можете ли вы назвать фамилии лиц, которые могли вас там видеть.

- Не могу сказать определенно.

- Как по-вашему, сколько человек было тогда в двух небольших залах клуба?

- Человек тридцать - сорок, люди приходили и уходили.

- Вы ни с кем не разговаривали?

- Нет. Я пришел туда не болтать, а записывать номера, которые выпали во время игры в рулетку.

- Где вы сидели?

- Позади игроков, в углу, возле двери.

- В котором часу вы пришли на бульвар Сен-Мишель?

- Около половины одиннадцатого.

- А когда ушли из клуба?

- Примерно в час ночи.

- Итак, вы утверждаете, что находились в течение двух с половиной часов в обществе почти тридцати человек и при этом никто вас не видел?

- Я не утверждал ничего подобного.

- Но вы не можете назвать ни одного имени.

- Я не поддерживаю отношений с игроками, это большей частью студенты.

- Уходя, вы прошли через бар, расположенный на первом этаже? Вы говорили там с кем-нибудь?

- С хозяином.

- Что вы ему сказали?

- Что за час четверка выпала восемь раз.

- На чем вы добирались домой?

- На той же машине, что и приехал.

- На "бентли" господина Наура?

- Да. Обычно ее водил я.

- Три свидетеля утверждают, что около полуночи вы находились в кабинете господина Наура.
- Все трое заинтересованы в этой лжи.
- Что вы делали, когда вернулись домой?
- Поднялся к себе в комнату и лег спать.
- И не открывали двери кабинета?
- Нет, не открывал.

- В течение двадцати лет, Уэни, вы жили за счет Феликса Наура, который обращался с вами, как с бедным родственником. Вы выполняли обязанности не только секретаря, но камердинера и шофера. Вас это не унижало?

- Я был благодарен Науру за доверие и выполнял его мелкие поручения исключительно по собственной воле.

Он продолжал вызывающе смотреть на Мегрэ и, казалось, внутренне ликовал. Уэни тщательно взвешивал каждое свое слово, прекрасно понимая, что их записывают и потом могут использовать против него. Но нельзя было запротоколировать выражение его лица, взгляд, все вызывающее поведение секретаря.

- Господин Наур женился, прожив вместе с вами почти пятнадцать лет.

Вас не уязвило, что он стал уделять вам меньше внимания?

- Наши отношения не имели той формы, на которую вы намекаете, и у меня не было причин для ревности.

- Брак вашего хозяина был счастливым?

- Он не откровенничал со мной о своей супружеской жизни.

- Как по-вашему, была ли в последние два года мадам Наур довольна семейной жизнью?

- Никогда не интересовался этим.

На этот раз Мегрэ взглянул на него пристальнее, словно желая сказать что-то собеседнику, и Уэни это хорошо понял. Секретарь сбавил тон, хотя оставался циничным, что не вязалось со взвешенностью его ответов.

- Какие отношения были у вас с мадам Наур?

- Никаких.

Теперь, при официальном допросе, каждое слово которого, занесенное в протокол, могло повлиять на судьбу Уэни, все им сказанное приобретало огромное значение.

- Вы никогда не пытались соблазнить ее?

- Подобное не приходило мне в голову.

- Вам не приходилось оставаться с ней в комнате наедине?

- Если вы хотите сказать - в спальне, то нет.

- Подумайте. ч - Ответ будет тот же.

- В вашей комнате найдено оружие калибра 7,65. Есть ли у вас другой пистолет, и где он в настоящее время находится?

- У оружейника с улицы Ренн, куда я часто ходил тренироваться в стрельбе.

- Когда вы были там в последний раз?

- В четверг.

- В четверг 13-го, то есть накануне убийства. Было ли вам известно, что мадам Наур намеревалась покинуть мужа на следующий день?

- Своими планами она со мной не делилась.

- Ее горничная знала об этом?

- Хороших отношений у меня с Нелли не было.

- Она отвергала ваши ухаживания?

- Скорее, все было наоборот.
- Ваши тренировки в стрельбе очень кстати, ведь это прекрасно объясняет, откуда на ваших пальцах появился порох. В пятницу в кабинете Наура, примерно около полуночи, находились по меньшей мере два человека.
- Они утверждают под присягой, что вы тоже там были.
- Кто эти двое?
- Первая - мадам Наур.
- И что она там делала?
- Пришла сказать мужу о решении уйти от него этой же ночью и потребовать согласия на развод.
- Она не говорила, дает ли ей муж развод? Она же не впервые этого требовала? Ведь мадам Наур знала, что он категорически против?
- До такой степени, чтобы стрелять в нее?
- А разве доказано, что он выстрелил умышленно? Кстати, не сказала ли также вам мадам Наур, почему ей так не терпелось быстрее добиться развода?
- Чтобы выйти замуж за Висенте Алваредо, который тоже был в комнате, когда прозвучали выстрелы.
- Один или несколько?
- Они прогремели почти одновременно, и Наур был убит первым же.
- Выходит, второй выстрел был сделан покойником?
- Смерть не всегда бывает мгновенной. Наур мог нажать на спуск непроизвольно, уже падая.
- Кто же сделал первый выстрел?
- Вы.
- Зачем?
- Может быть, чтобы защитить Лину, или просто из ненависти к вашему хозяину.
- А почему не Алваредо?
- Похоже, он ни разу в жизни не держал в руках пистолета, да у него его и не было. Впрочем, следствие покажет.
- Разве они не сбежали?
- Они отправились в Амстердам, как и хотели сделать это неделю назад, и возвратились в Париж, как только им посоветовала голландская полиция.
- Полиция действовала от вашего имени? И не обещала при этом, что их не будут трогать? И еще: разве на руках господина Алваредо не было перчаток?
- Да, были.
- Они найдены?
- Вчера вечером их обнаружили в Орли, но следов пороха на них не было.
- А мадам Наур, которая собиралась уходить, разве была не в перчатках?
- И на ее перчатках тоже нет следов пороха.
- А вы уверены, что это были те самые перчатки?
- Это подтверждает горничная.
- Вначале вы говорили о трех свидетелях. Полагаю, третьим является Нелли Фелтхеис, не так ли?
- Она ожидала окончания объяснения в коридоре второго этажа и услышала два выстрела.
- Она заявила полиции об этом уже в субботу?
- Вас это не касается.
- Можете ли вы, по крайней мере, сказать, где она провела воскресенье?
- В "Отель де Лувр" вместе с хозяйкой и ее подругой.

- Кроме вас, к ним кто-нибудь приходил? Думаю, вы беседовали с ними в отеле, так же, как допрашивали меня на авеню Парк-Монсури.

- Во второй половине дня к ним приходил господин Алваредо.

И тогда Уэни сухо заключил:

- С меня довольно. Отныне я буду говорить только в присутствии адвоката.

- И все же есть вопрос, который я вам задавал и считаю необходимым повторить: какие в действительности у вас были отношения с мадам Наур?

На губах Уэни появилась ледяная улыбка, глаза потемнели и блеснули, когда он процедил:

- Никаких.

- Спасибо. Лапуэнт, позови двух инспекторов.

Комиссар поднялся со стула, обошел стол кругом и остановился перед Уэни, продолжавшим сидеть в кресле. Глядя на него сверху вниз, Мегрэ с горечью произнес:

- Месть?

Тогда Фуад, видя, что они находятся в комнате одни и дверь заперта, тихо ответил:

- Возможно.

- Встаньте.

Он послушно поднялся с кресла.

- Протяните руки вперед.

Фуад подчинился, не переставая улыбаться.

- На основании ордера, выданного судебным следователем Кайотом, я вас арестую...

Затем, обращаясь к двум вошедшим инспекторам, приказал:

- Отведите его в камеру.

Случившееся все же стало "делом Наура". Целых восемь дней оно занимало первые страницы газет, а еженедельники, падкие на всякого рода сенсации, уделили ему по несколько колонок. Журналисты рыскали по авеню Парк-Монсури, собирая сплетни, и домашняя работница мадам Воден хоть и ненадолго, но стала героиней дня.

Макий побывал в Амстердаме, затем в Каннах, где взял интервью у воспитательницы, сфотографировал ее и детей. Он расспросил управляющих игорными домами и крупье нескольких казино.

Все это время эксперты обшаривали дом Науров в надежде обнаружить хоть какую-нибудь улику. Они обыскали весь сад и даже сточные канавы вокруг, пытаясь найти пистолет, из которого был убит Наур.

В понедельник во второй половине дня состоялась встреча у нотариуса, на которой присутствовали Пьер Наур с отцом, а также Лина.

Мэтр Леруа-Бодье сообщил по телефону Мегрэ, что во втором завещании Феликс Наур оставил жене минимально допустимую законом сумму. Все остальное переходило детям, и он выражал пожелание, чтобы брат стал их опекуном.

- Уэни он не оставил ничего?

- Меня это поразило. Теперь-то я могу вам рассказать, что в первом завещании Наур выделил своему секретарю полмиллиона франков "в знак признательности за преданность и оказанные им услуги". А теперь имя Уэни даже не упоминается.

Может быть, Наур узнал, какие отношения были у Лины с Фуадом?

Судебный следователь заслушал показания управляющего и крупье игорного клуба на Сен-Мишель и тридцати шести его завсегдатаев.

Журналисты подстерегали свидетелей у выхода, что приводило некоторых из них в ярость.

Произошли и ошибки. Один студент заявил, что видел Уэни сидящим в углу игорного зала с одиннадцати часов вечера. Понадобилось два дня, чтобы установить, что этот молодой человек был в клубе не в пятницу, а спутал ее со средой.

Соседи, вернувшиеся домой около половины двенадцатого, утверждали, что не видели машины, стоявшей напротив бара.

Следователь Кайот был терпеливым и дотошным человеком. В течение трех месяцев он почти ежедневно вызывал к себе Мегрэ, чтобы поручить ему расследование новых обстоятельств.

В газетах политические новости отодвинули сообщения о деле Наура на третью, затем на пятую страницу, а потом упоминания о нем исчезли совсем.

Лина, Алваредо и Нелли не имели права покидать Париж до окончания следствия, и лишь только после его завершения им разрешили выехать в окрестности Дре, где они укрылись от любопытных в небольшом домике.

Прокуратура утвердила обвинение, предъявленное Уэни, но суд присяжных был настолько загружен работой, что процесс был перенесен аж на будущий январь, затянувшись почти на год.

Удивительно, что во время традиционных, устраиваемых раз в месяц, совместных обедов, ни Мегрэ, ни Пардон ни разу не вспомнили историю с Наурами.

Наступил день, когда комиссар должен был давать показания перед судом. До этого судьи ничего не спрашивали об отношениях Лины с обвиняемым.

Мегрэ отвечал на вопросы председателя суда предельно объективно и коротко. Когда он увидел, что прокурор просит слова, то понял, что тайна молодой женщины вот-вот будет раскрыта.

- Господин председатель, позвольте мне задать вопрос свидетелю.

- Слово прокурору республики.

- Может ли свидетель сообщить: возникала ли у него мысль о том, что между обвиняемым и мадам Наур могли существовать интимные отношения?

Комиссар давал свидетельские показания под присягой и не имел права что-либо скрывать.

- Да, возникала.

- Обвиняемый категорически отверг это?

- Да.

- Однако не дал ли он понять, что такие отношения существовали?

- Да.

- Поверил ли свидетель в эти отношения?

- Да.

- Это не сыграло роли в аресте Уэни, по-новому освещая причины его поступка?

- Да.

Вопросов больше не последовало. Если до этого публика слушала молча, то теперь в зале послышался гул голосов, и председатель был вынужден постучать молотком...

- Прошу соблюдать тишину, иначе я немедленно прикажу очистить зал...

Мегрэ мог сесть рядом со следователем Кайотом, который даже занял для него место, но предпочел выйти из зала.

Проходя по пустынному коридору, где гулко звучали его шаги, комиссар машинально набивал трубку табаком. Через несколько минут, сидя за столиком бара Дворца правосудия, он ворчливо заказывал кружку пива.

Ему совсем не хотелось идти домой. Выпив вторую кружку пива почти залпом, Мегрэ медленно направился на набережную Орфевр.

В этом году снег почти не выпал, погода стояла теплая. Чувствовалось, что весна наступает раньше срока, и солнце было таким ясным, что казалось вот-вот лопнут почки на деревьях.

Проходя в свой кабинет, комиссар открыл дверь в инспекторскую.

- Люка!.. Жанвье!.. Лапуэнт!..

Можно было подумать, что все трое его ждали.

- Одевайтесь и пойдём со мной...

Инспектора шли за ним, не спрашивая, куда он их ведёт. Через несколько минут они оказались в пивной "Дофин".

- Ну, как с этим делом Наура, господин Мегрэ? - прокричал ее хозяин.

Он тут же пожалел, что задал этот вопрос, увидев, как комиссар взглянул на него, пожав плечами. И тогда он поторопился добавить:

- Знаете, сегодня у меня сосиски...

Влюбленная пара больше не помышляла ехать в Боготу. Да и потом, разве после этого заседания суда отношения между Линой и Алваредо могли остаться прежними?

"Дело Наура" вновь вернулось на первые страницы газет. Вечерние выпуски преподносили его уже как историю о любовном четырехугольнике.

Вынес бы суд оправдательный приговор, если бы в основе речи прокурора не лежал новый мотив преступления?

Пистолет так и не нашли, а обвинение было построено на свидетельских показаниях заинтересованных лиц.

На другой день Уэни получил десять лет заключения. После приговора Лина и Алваредо сели в "альфа-ромео" и умчались в неизвестном направлении.

Больше Мегрэ о них никогда не слышал.

- Я потерпел неудачу, - признался он Пардону, у которого обедал в очередной вторник.

- Возможно, если бы я не позвонил вам в ту ночь...

- События все равно следовали бы своим чередом, разве что с небольшой задержкой...

И Мегрэ добавил, протягивая руку к бокалу бургундского:

- А ведь, в сущности, Уэни выиграл...

<http://book.zehinli.info>